ЛБЧ — 328

А. ПРИНСЪ.

Защита Общества и преобразованіе Уголовнаго Права.

Переводъ **Е. Маркеловой.**

Подъ редакціей и съ предисловіемъ
проф. Г. С. ФЕЛЬДШТЕЙНА.

Изданіе К-ва „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и К°".

Дублет.
8-92
Б4
328

Проф. Ад. Принсъ

Исключена

Защита общества и преобразованіе Уголовнаго права.

Переводъ съ французскаго Е. Маркеловой.

Исключена
820/8 12

Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Г. С. Фельдштейна.

Книгоиздательство Т-ва Дма „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и Ко".
Москва, Б. Грузинская, 3.
1912 г.

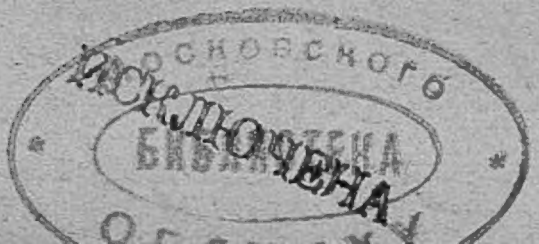
Исключена
Проверено 1939
2 экз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
648527

МОСКВА.
Типо-Литогр. „ТРУДЪ“, Газетн.. пер, 6. Тел. 115-57.
1911 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Новый трудъ проф. Ад. Принса La défense sociale et les transformations du droit pénal, Brux. 1910, русскій переводъ котораго предлагается вниманію читателей, составляетъ, безспорно, крупное явленіе въ западно-европейской литературѣ. Это обусловливается не только тѣмъ, что такой извѣстный писатель какъ Принсъ, одинъ изъ основателей соціологической школы въ уголовномъ правѣ, выступаетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ своихъ взглядовъ. Огромный интересъ, представляемый новымъ трудомъ Принса, вызывается, на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ тѣмъ, что дѣлается попытка перейти отъ общихъ построеній соціологической школы къ практическому „преобразованію“ уголовнаго права. Принсъ выступаетъ краснорѣчивымъ сторонникомъ взгляда, что направляя по извѣстному пути работу криминалистовъ, нужно дать вмѣстѣ съ тѣмъ новую, болѣе совершенную форму институтамъ уголовнаго права, предполагающую коренное преобразованіе не однихъ только карательныхъ мѣръ, но и принциповъ, которы-



ми руководствуются при реакціи на правонарушенія.

Принсъ поднимаетъ вопросъ о сломкѣ въ современномъ уголовномъ правѣ такихъ испытанныхъ критеріевъ при опредѣленіи наказуемости какъ вмѣняемость и виновность и старается подставить вмѣсто этихъ понятій нѣчто иное.

Обращаясь къ основамъ возраженій Принса противъ допустимости руководствоваться критеріемъ вмѣняемости, нужно отмѣтить, что онъ настаиваетъ на томъ, что вмѣняемость предполагаетъ существованіе типа средняго, нормальнаго человѣка, съ которымъ и оперируетъ уголовное законодательство. Эта часть труда Принса представляется намъ въ его аргументаціи наиболѣе уязвимой потому, что она не свободна отъ смѣшенія средняго человѣка, какъ математической формулы, и нормальнаго человѣка, какъ вполнѣ реальнаго явленія для даннаго культурнаго общества. Если средняя величина можетъ въ ея математическомъ изображеніи выразиться дробью, то это еще не значитъ, что эта дробь реально существуетъ въ качествѣ индивидуальнаго феномена. Средній человѣкъ, съ которымъ оперируетъ современное уголовное право, далеко не является математической абстракціей. Нормаль-

ный человѣкъ не только не абстрактная величина, но индивидъ, надѣленный опредѣленными свойствами и вполнѣ реально существующій.

Отрицая значеніе вмѣняемости, Принсъ возстаетъ и противъ виновности, какъ института могущаго сослужить извѣстную службу въ дѣлѣ подысканія соотвѣтственной мѣры реакціи противъ зла правонарушенія. Указывая на то, что виновность не представляется надежнымъ оплотомъ для подысканія соотвѣтственныхъ мѣръ воздѣйствія, Принсъ не опровергаетъ, однако, начала, что виновность выступаетъ вообще однимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ мѣры, принимаемыя по отношенію къ правонарушителю.

Если стать на точку зрѣнія Принса и признать вмѣстѣ съ нимъ, что понятія вмѣняемости и виновности должны отпасть въ уголовномъ правѣ, то принимая въ соображеніе опасность поведенія лица какъ отправную точку зрѣнія для принятія разнаго рода мѣръ устраненія этой опасности, придется придти къ выводамъ, которые врядъ ли могутъ быть положены въ основаніе уголовнаго правосудія.

Въ этихъ сурогатахъ вмѣняемости и виновности центръ тяжести труда Принса, но вмѣстѣ съ тѣмъ они, на нашъ

взглядъ, далеко не устраняютъ всѣхъ трудностей вопроса, а также не вполнѣ вытекаютъ изъ исходной точки зрѣнія Принса.

И на самомъ дѣлѣ, разъ ни вмѣняемость, ни виновность не нужны для функціонированія уголовнаго правосудія, то наступаетъ положеніе, когда всякая дѣятельность опасная, какъ таковая, должна становиться объектомъ извѣстнаго воздѣйствія. Въ переводѣ на практическій языкъ это значитъ, что и дѣятельность не обложенная въ законѣ уголовнымъ наказаніемъ можетъ стать исходнымъ пунктомъ цѣлесообразнаго карательнаго воздѣйствія.

Въ своихъ практическихъ предложеніяхъ Принсъ, однако, не идетъ такъ далеко. Онъ ограничивается тѣмъ, что допускаетъ воздѣйствіе по мѣрѣ опасности правонарушителя только для опасныхъ рецидивистовъ и малолѣтнихъ, даже не учинившихъ ни преступленія, ни проступка. Но такое ограниченіе не вяжется ни съ его критикой ученій господствующей школы, ни съ его основными положеніями. Принсъ упускаетъ при этомъ изъ виду, что именно въ предѣлахъ дѣйствующаго уголовнаго права, въ наиболѣе новыхъ кодексахъ наблюдаются эти предлагаемыя имъ практическія мѣры преобразованія уголовнаго права.

Но оцѣнку книги Принса, подсказанной большимъ подъемомъ гуманизма, нельзя ставить на такую формальную почву. Несправедливо требовать отъ автора такого отвѣта, который разрѣшилъ бы безъ остатка вопросы, занимающіе уже цѣлые вѣка уголовное право. И безсмертная книга Беккаріи не была трудомъ, разрѣшившимъ всѣ затронутые въ ней вопросы. Она давала только общія указанія, которыми и воспользовались законодатели и ученые въ своей творческой работѣ по преобразованію уголовнаго права.

Трудъ Принса, согрѣтый истиннымъ вдохновеніемъ и написанный пламеннымъ языкомъ, къ сожалѣнію значительно теряющимъ въ передачѣ, можетъ сослужить незамѣнимую службу въ дѣлѣ ознакомленія широкихъ круговъ съ вопросами, занимающими современныхъ криминалистовъ. Удовлетвореніе этой потребности и имѣлось главнымъ образомъ въ виду при выборѣ новаго труда Принса для перевода на русскій языкъ.

Г. Фельдштейнъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Память о романтизмѣ начинаетъ исчезать. Онъ характеризовалъ собой часть 19-го столѣтія и въ 1862 году принялъ чарующую форму въ «Отверженныхъ» Виктора Гюго,—произведеніи, проникнутомъ возвышенной утопіей 18-го столѣтія; и общество, увлеченное мечтой о счастливомъ вѣкѣ, когда нищета и преступленія исчезнутъ, отдалось обманчивой надеждѣ.

Но большой подъемъ оптимизма утратилъ свой блескъ; мы имѣли слишкомъ внѣшнее и неглубокое понятіе о злѣ, и 20-ый вѣкъ съ большей полнотой позналъ всѣ трудности проблемы.

То, что сохранится отъ прекрасныхъ стремленій прежняго поколѣнія—это гуманизація общественныхъ идей и рѣшительное отреченіе отъ клейменія, отъ наказаній, не дающихъ исцѣленія, отъ безполезныхъ и безцѣльныхъ жестокостей.

И теперь, когда успѣхи, достигнутые естествознаніемъ и гуманитарными науками, совершенно измѣнили направленіе современной

мысли, уголовное право не можетъ остаться въ сторонѣ отъ этого стремленія къ обновленію и, въ свою очередь, преобразуется.

Типичной особенностью этого преобразованія является отрѣшеніе отъ традиціонной классической базы репрессивнаго суда,—отъ принципа субъективной отвѣтственности виновнаго и усвоеніе базы болѣе объективной: принципа соціальной защиты.

Уголовное право классической школы отдѣляетъ преступника отъ окружающей среды и анализируетъ главнымъ образомъ его волю въ моментъ совершенія преступленія.

Уголовное право новой школы разсматриваетъ людей съ точки зрѣнія ихъ общественныхъ обязанностей и видитъ въ преступникѣ прежде всего личность, посягающую на соціальный порядокъ.

Классическая школа допускаетъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ, что дѣйствіе есть осуществленіе идеи и видитъ въ преступленіи проявленіе во внѣ преступной воли. Она разсматриваетъ преступника, какъ личность разумную и свободную, дѣлающую зло съ сознаніемъ, что она его дѣлаетъ, и желаніемъ его сдѣлать. Преступникъ наказывается, потому что онъ вмѣняемъ и виновенъ. Онъ подлежитъ отвѣтственности, потому что его дѣяніе сознательно и свободно; и наказаніе, въ томъ смыслѣ какъ его понимаетъ классическая школа, есть

единственно возможное средство противъ правонарушенія и единственно справедливое воздаяніе за учиненное дѣяніе.

Говорятъ, что отклоненіе отъ принципа вмѣняемости приводитъ къ неестественнымъ или страннымъ послѣдствіямъ; караютъ невинныхъ, и виновные наказываются не въ соотвѣтствіи со степенью ихъ вины. Но нужно точно доказать, что понятіе соціальной защиты совершенно отлично отъ понятія наказанія и, будучи гораздо шире этого послѣдняго, зарождается иногда независимо отъ состоянія вмѣняемости и вины, но всегда въ зависимости отъ психическаго состоянія индивида.

Впрочемъ, дѣло не въ томъ, чтобы принимаемыя въ отношеніи правонарушителей мѣры соотвѣтствовали классической идеѣ наказанія; нужно только стремиться къ тому, чтобы, не дѣлая несправедливостей и не причиняя человѣку безполезныхъ страданій, практикуемыя мѣры были благопріятны для общественнаго порядка, который нуждается въ томъ, чтобы большинство составляли честные люди.

Доктрина вмѣняемости и вины опирается на гипотезу нормальнаго человѣка, одареннаго сознательной и свободной волей, и намъ предстоитъ прежде всего доказать, почему эта шаткая база не выдерживаетъ критики со всѣхъ точекъ зрѣнія.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВѢКЪ НОРМАЛЬНЫЙ ИЛИ СРЕДНІЙ.

1. Нормальный человѣкъ самъ по себѣ.

Гипотеза нормальнаго человѣка представляется преимущественно созданіемъ того теченія мысли, которое конструируетъ всѣ явленія по типамъ, способнымъ служить общимъ мѣриломъ для человѣчества.

Такимъ типомъ представляется для римскаго права Bonus pater familias, соединяющій въ своемъ поведеніи благоразуміе, вниманіе, здравый смыслъ, необходимые для того, чтобы не причинять вреда другимъ.

Нормальнымъ человѣкомъ для 17-го вѣка и картезіанства выступаетъ человѣкъ разсудительный, простой, великодушный, достойный, благонамѣренный, спокойный и уравновѣшенный, соединяющій съ полнотой умственнаго и нравственнаго равновѣсія способность сопротивленія злу.

Для 18-го вѣка и кантіанства, нормальный человѣкъ—это тотъ-же благоразумный человѣкъ,

остающійся себѣ вѣрнымъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ,—человѣкъ, главныя свойства котораго всегда одинаковы.

Для 19-го вѣка нормальный человѣкъ—типъ еще болѣе условный; онъ представляется равнодѣйствующей большихъ чиселъ и становится тѣмъ, что называетъ среднимъ человѣкомъ Кетле.

Оцѣнка виновности преступника по этой общей мѣркѣ не требуетъ содѣйствія такихъ глубокихъ психологовъ, какъ Шекспиръ или Бальзакъ, геній которыхъ обозрѣваетъ всю гамму человѣческихъ страстей: достаточно способнаго математика, чтобы сличить съ общепринятой мѣркой тѣ уклоненія отъ нормы, которыя составляютъ преступленіе.

Нормальный или средній человѣкъ—не что иное какъ математическая формула, сводящая частности къ общему, вычеркивающая индивидуальность, оригинальность и различіе и приводящая все къ абстрактной схемѣ существа, которое не живетъ и никогда не жило, потому что не можетъ жить и потому что среднее не соотвѣтствуетъ никакой живой дѣйствительности.

Мы встрѣчаемъ упряжныхъ лошадей, рабочихъ, бѣговыхъ, верховыхъ, заводскихъ жеребцовъ-производителей; упряжная лошадь различается смотря по тому, что́ она должна везти: повозку пивовара, пушечный лафетъ,

наемный извозчичій экипажъ, роскошную карету; но нѣтъ средней лошади; и средняя лошадь была бы неспособна ни къ одной изъ этихъ цѣлей. Такъ же точно нѣтъ средняго человѣка, нѣтъ нормальнаго человѣка.

Защитникъ теоріи средняго или нормальнаго человѣка поступаетъ какъ Адамъ Смитъ, вводящій въ политическую экономію понятіе The Economic Man, идеальнаго производителя богатствъ, личный интересъ котораго, побуждаемый свободой, совпадаетъ съ общимъ интересомъ. Въ обоихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ способу, который упрощаетъ дѣло, но который не принимаетъ въ разсчетъ кровь и плоть индивидовъ, связанныхъ со средой,—съ окружающими ихъ общественными условіями, предразсудками и интересами. И въ обоихъ случаяхъ пренебрегаютъ конкретными сторонами объекта т. е. его свойствами, индивидуальными способностями, индивидуальнымъ развитіемъ, спеціальными обязанностями, наклонностями, страстями, добродѣтелями, пороками, характеромъ и темпераментомъ.

Но если даже предположить, что возможно сдѣлать попытку къ обобщенію тѣхъ свойствъ, которыя чаще всего встрѣчаются, то это все-таки былъ бы не нормальный, но анормальный человѣкъ. Отъ того, кто не хочетъ быть похожимъ на другихъ, отъ безпорядочнаго, эксцентричнаго, невоспитаннаго, безалабернаго, бродя-

чаго искателя приключеній, до недостаточнаго въ умственномъ и моральномъ отношеніи, до маньяка, умалишеннаго или полнаго идіота, есть безчисленное множество степеней состояній неполныхъ или дефектныхъ, средняя норма которыхъ ни въ коемъ случаѣ не составляетъ нормальнаго человѣка.

Мы тѣмъ менѣе можемъ принять понятіе „нормальнаго человѣка“ въ качествѣ критерія нашего поведенія въ 20-омъ вѣкѣ, что эти слова представляются терминами, указывающими на другіе образы и другія идеи, въ зависимости отъ того, примѣняютъ ли ихъ къ гражданину Рима, дисциплинированному античнымъ правомъ, или къ человѣку 17-го вѣка, воспитанному на началахъ классицизма, или къ буржуа 19-го вѣка, который, едва успокоившись послѣ пережитыхъ треволненій, въ особенности стремится къ покою и отдыху, или, наконецъ, къ сыну нашей современной цивилизаціи столь дѣятельной и стремительной.

Наше время мчится быстро, лихорадочно, увлекаемое мятежнымъ потокомъ впечатлѣній и возбужденій, нарушающихъ дивную гармонію силъ. Все способствуетъ возрастанію поводовъ и попытокъ наносить вредъ другимъ, —увеличенію вредныхъ поступковъ и числа лицъ, которыя вредятъ.

Люди дѣйствуютъ съ большей невоздержанностью и дерзостью; самый рачительный

можетъ надорваться и обезсилѣть; у насъ мало времени, чтобы взвѣшивать наши движенія и рѣшенія; случаи неисполненія обязательствъ все возрастаютъ, ошибки дѣлаются болѣе неизбѣжными, ихъ послѣдствія болѣе глубокими.

Точно такъ же какъ и для культурнаго общества, такъ и для личности,—какъ для честныхъ людей, такъ и для преступниковъ, нельзя приводить различныхъ цѣнностей къ одной нормальной оцѣнкѣ.

Все это тѣмъ болѣе очевидно, что изслѣдованія, разсматривающія умственную и нравственную сторону индивида, никогда не проникали въ самое существо дѣла. Мы знаемъ лучше, чѣмъ прежде, изгибы человѣческаго организма, тонкость пружинъ, заставляющихъ его дѣйствовать,—тайны той воспріимчивости, незамѣтные оттѣнки которой обусловливаютъ разнообразіе характеровъ; мы лучше оцѣниваемъ увлеченія страсти и несовершенства ума.

Мы знаемъ лучше, чѣмъ прежде, что человѣкъ явленіе полное неясностей и противорѣчій и что въ каждомъ изъ насъ есть нѣчто такое, чего мы сами не понимаемъ.

Брюнетьеръ сказалъ по этому поводу: „мы знаемъ теперь, что человѣческое сердце — смѣсь величія и низости, что оно непостоянно и измѣнчиво, вѣчно обуреваемо заботой,

таинственно и глубоко и представляетъ собой заманчивую загадку, неразрѣшимую и безнадежную" [1]).

И до него Гёте писалъ: „наше я — это множественность".

Мы знаемъ, что эта множественность безконечна, что живое существо подраздѣляется на органы, что эти послѣдніе состоятъ изъ тканей, ткани изъ клѣтокъ, клѣтки изъ микроновъ, и что индивидуальная жизнь — это результатъ милліоновъ и милліоновъ жизней клѣтокъ, расположенныхъ по извѣстному плану и для извѣстной цѣли.

Наше я—это тайна,но нельзя основывать на тайнѣ права показанія.

2. Нормальный человѣкъ и среда.

Идея нормальнаго человѣка не только слишкомъ односторонняя концепція, не отвѣчающая современнымъ потребностямъ. Идея эта также слишкомъ односторонняя концепція соотношенія индивида и внѣшняго міра.

Человѣкъ долгое время считался центромъ вселенной и все относилъ къ своей личности. Онъ чувствуетъ теперь, что не можетъ болѣе отдѣлять себя отъ этой вселенной; что онъ составляетъ часть ея, какъ листъ составляетъ

---

[1]) Brunetière, Etudes critiques, 4-me serie, pp. 158 и 159, Paris, Hachette, 1894.

часть лѣса, волна—океана, какъ отдѣльная арія пѣвца въ музыкальной драмѣ Вагнера составляетъ часть оркестра. Міръ это какъ бы огромный оркестръ, гдѣ гармонія проявляется въ безконечномъ разнообразіи звучныхъ вибрацій.

Живой міръ есть, какъ и живая личность, продуктъ необыкновенно сложнаго взаимодѣйствія элементовъ физическихъ, химическихъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ. Онъ безпрестанно развивается въ смыслѣ спеціализаціи и дифференціаціи формъ, силъ организмовъ и движеній. Онъ безпрестанно усложняетъ отношенія между людьми и между вещами.

Въ этомъ измѣняющемся цѣломъ, развѣтвленія котораго пересѣкаются, нищета, болѣзнь, вырожденіе, порокъ, невѣжество, нездоровыя страсти, представляющіяся симптомами жизни распутной и невоздержной или жизни оскудѣвшей матеріально и истощенной, сталкиваются со всѣми проявленіями здоровья, красоты, богатства и труда.

Ритмъ преступности сопутствуетъ ритму честной дѣятельности; онъ ускоряется вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи подобно тому, какъ возрастаетъ число несчастныхъ случаевъ вмѣстѣ съ развитіемъ примѣненія машинъ. «Преступность есть въ концѣ концовъ, какъ сказалъ фонъ-Листъ, не что иное,

какъ одна изъ формъ соціальной жизни». Въ водоворотѣ теченій, гдѣ сталкиваются и смѣшиваются полезныя и вредныя силы, преступность, въ свою очередь, представляется теченіемъ съ неопредѣленными границами, воды котораго порой соприкасаются съ водами другихъ теченій.

Въ этой области ничего не разграничено, и внимательный къ фактамъ наблюдатель видитъ во всѣхъ направленіяхъ столько промежуточныхъ ступеней, что онъ съ трудомъ распознаетъ, гдѣ кончается одинъ видъ и начинается другой.

Такъ же какъ отъ тепла или холода рядъ чувствительныхъ состояній атмосферы, отмѣчаемыхъ термометрами, ведетъ насъ къ болѣе высокой или болѣе низкой температурѣ, такъ же отъ полноты интеллектуальнаго или физическаго равновѣсія до умопомѣшательства или неизлѣчимой болѣзни имѣетъ мѣсто лѣстница едва замѣтныхъ переходовъ; и точно такъ же отъ честнаго человѣка, дѣлающаго добро изъ любви къ добру, до преступника, дѣлающаго зло изъ желанія зла, есть цѣлый рядъ многосложныхъ оттѣнковъ, соприкасающихся одной точкой съ добродѣтелью, а другой съ порокомъ.

Неправильно игнорировать промежуточныя ступени, все приводить къ единству и рѣзко разграничивать обыкновенныхъ преступниковъ,

вмѣняемыхъ и подлежащихъ наказанію, отъ другихъ. Общія и упрощенныя формулы юриспруденціи классической школы не согласуются съ текучестью, разнообразіемъ и сложностью живой постоянно развивающейся дѣйствительности.

3. Нормальный человѣкъ и свобода воли.

Нужно прибавить, что правосудіе въ духѣ классической школы слишкомъ односторонне и абстрактно, когда, разсматривая только волимые и сознательные поступки нормальнаго человѣка, вѣритъ вмѣстѣ съ философіей 17-го и 18-го вѣка въ безконечную власть ума надъ волей, и доходя до олицетворенія воли, дѣлаетъ ее какимъ то кормчимъ, способнымъ вести насъ черезъ подводные камни жизни.

Это напоминаетъ, съ нѣкоторыми оговорками, поведеніе первобытныхъ людей, которые въ колебаніи деревьевъ, волнъ и облаковъ видѣли волимыя движенія и олицетворяли ихъ, не отыскивая цѣпи причинъ этихъ явленій; вспоминаешь астрологовъ временъ упадка язычества, которые видѣли въ созвѣздіяхъ не космическія силы, а боговъ, одаренныхъ волей.

Мы не убѣждены также, что господствующая въ психологіи доктрина отдаетъ себѣ точный отчетъ въ сущности психическихъ силъ, заставляющихъ насъ дѣйствовать, когда

она сводитъ нашу моральную личность къ такому неразложимому элементу, какъ разумная и свободная воля.

Мы, какъ сказалъ Бутру: «движущееся разнообразіе».[1]) Наша воля не можетъ болѣе считаться абстракціей, оторванной отъ дѣйствительности, среди которой она дѣйствуетъ.

Въ насъ всегда наблюдается опредѣленная активность въ связи съ опредѣленнымъ же характеромъ. Слова—сознательная и свободная воля не даютъ точнаго представленія о смѣшеніи подсознательности и сознательности, объ инстинктѣ и рефлексѣ, воображеніи и мышленіи, а равно ассоціаціи мыслей и поступковъ, соединеніе которыхъ образуетъ живого человѣка.

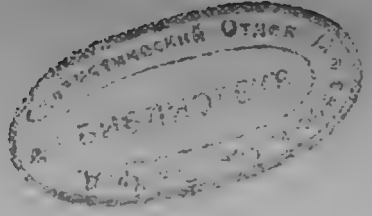
Этотъ живой человѣкъ стремится къ цѣли не такимъ простымъ путемъ, который мы называемъ элементарными факторами вмѣняемости, въ пониманіи классической школы.

Итакъ, что же такое представляетъ изъ себя свободная воля, сама избирающая мотивы поступковъ и всегда подвергающаяся въ этомъ выборѣ вліянію наслѣдственности?

Что́ же это за разумная воля, которая позволяетъ разсуждать съ неотразимой логикой и поступать съ утонченной порочностью? *Video meliora deteriora sequor.*

---

[1]) *Бутру.* Наука и религія. Парижъ 1908 г., стр. 301.



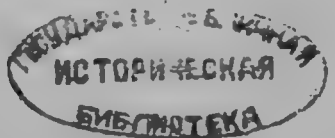
Чтó такое умъ, который посредствомъ самыхъ точныхъ выводовъ безразлично приходитъ къ ошибкѣ и истинѣ, къ принятію системы Птоломея, Коперника или Галилея?

Что значитъ нашъ тонкій анализъ, наша желѣзная логика, которая распадается и растворяется въ эпоху господства конструктивнаго синтеза, когда мы удаляемся отъ интеллектуализма, чтобы приблизиться къ философіи силы и человѣческой энергіи въ ея физической, духовной и моральной сложности?[1])

Если пользованіе правомъ наказанія требуетъ точной оцѣнки различныхъ составныхъ элементовъ разумной и свободной воли, то трудности наказанія возрастаютъ.

Изучая многосложныя вліянія, господствующія надъ нами, пытаясь опредѣлить роль расы и климата, невроновъ и нервныхъ центровъ, вліяніе обстоятельствъ, среды и наслѣдственности, степени развитія ума и свойствъ темперамента, мы никогда не встрѣтимъ условій, позволяющихъ говорить о полной вмѣняемости; мы всегда встрѣтимъ причины, которыя нарушаютъ нормальную дѣятельность воли; вмѣсто того, чтобы искать среди насъ разумное существо картезіанцевъ, намъ нужно считаться съ впечатлительнымъ существомъ Паскаля и янсенистовъ, и встрѣтиться порой съ жалкой кук-

[1]) *Сабатье*, Философія силы, Парижъ, 1903. *В. Джемсъ*, Психологія, Н. Іоркъ 1892.



лой, нити которой въ могучихъ рукахъ таинственной судьбы, а бѣдственное положеніе ея защищаетъ ее отъ примѣненія къ ней уголовнаго суда. Къ тому же, обращаясь къ окружающимъ насъ примѣрамъ, нетрудно замѣтить разногласіе, царящее между доктриной классической школы и существующими въ дѣйствительности общественными условіями.

Вотъ напр., бродячія толпы цыганъ: ярмарочные торговцы, корзинщики, скоморохи, лудильщики, проходящіе наши европейскія страны и не знающіе ни своихъ лѣтъ, ни своего происхожденія; безъ принадлежности къ опредѣленному классу состоянія, безъ правъ и обязанностей, они не платятъ никакихъ налоговъ, живутъ внѣ нашихъ традицій и обычаевъ; они эксплоатируютъ дѣтей, пріучаютъ ихъ къ нищенству, они совершаютъ преступленія, когда представляется къ тому случай, и поступаютъ такъ—свободно и добровольно, съ сознаніемъ совершаемаго.

Наше правосудіе предписываетъ подвергать ихъ наказаніямъ. Общественная справедливость запрещаетъ приравнивать дикую и жестокую независимость этихъ племенъ номадовъ къ дисциплинѣ и условіямъ расъ осѣдлыхъ, воспитанныхъ вѣками культуры.

Вотъ въ центрѣ Африки племена Конго, представляющіяся организаціями, воспроизводящими соціальный строй нашихъ первобыт-

ныхъ племенъ, вѣрованія, идеи, обычаи которыхъ отдѣлены отъ насъ пропастью. Когда они совершаютъ дѣйствія, которыя мы называемъ преступленіями и проступками, они совершаютъ ихъ сознательно и добровольно. Классическая школа позволяетъ налагать на нихъ наказанія, а правила колонизаціи предписываютъ просвѣщать ихъ, прежде чѣмъ употреблять противъ нихъ орудіе цивилизаціи.

Вотъ алкоголизмъ, который служитъ громаднымъ поставщикомъ формъ жестокой и связанной съ пролитіемъ крови преступности и великимъ разрушителемъ вмѣняемости. Если послѣдняя служитъ основой наказуемости, то судья долженъ оправдать три четверти виновниковъ насильственныхъ актовъ и примѣнить къ нимъ незначительныя наказанія. Такимъ образомъ эти преступленія не встрѣтятъ достаточныхъ преградъ.

Мы видимъ въ средѣ трудящихся классовъ лѣнивыхъ и жестокихъ пьяницъ, которые отказываются отъ работы, дурно обращаются съ женами, выбивающимися изъ силъ, чтобы добыть кусокъ насущнаго хлѣба; мы встрѣчаемъ дѣтей, которымъ отецъ внушаетъ ужасъ и отвращеніе. Всѣмъ извѣстно, что такія отвратительныя сцены часты и на смѣну имъ иногда приходятъ сцены убійства и изнасилованія.

Несостоятельность классической школы обнаруживается изъ того, что общество безсильно воспрепятствовать разрушенію семьи и получаетъ право вмѣшаться слишкомъ поздно. И если власть начинаетъ понимать, что единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ алкоголизма, является предупрежденіе, если она принимаетъ на себя обязанность лишить опасныхъ алкоголиковъ возможности вредить, прежде даже, чѣмъ они начали дѣйствовать, если существуютъ уже убѣжища для привычныхъ пьяницъ и если безчисленные законопроэкты признаютъ пользу этихъ учрежденій, [1]) то это значитъ, что надо усвоить точку зрѣнія защиты общества.

Въ подкрѣпленіе этого тезиса можно сослаться, въ свою очередь, на преступленія по страсти.

Судья, изъ уваженія къ принципу вмѣняемости, оправдывающій такого преступника, приноситъ жертву во имя теоріи; но судья, который изъ уваженія къ принципу безопасности наказываетъ убійцу, совершившаго преступленіе подъ вліяніемъ страсти, жертвуетъ основнымъ критеріемъ отвѣтственности, я хочу

---

[1]) См. особенно § 33 предварительнаго проэкта Швейцарскаго уголовнаго уложенія, іюль 1909 г. и § 36 предварительнаго проэкта Австрійскаго уголовнаго уложенія, сентябрь 1909 г.

сказать свободной волей, которую уничтожило появленіе страсти.

Итакъ, приводить право вмѣшательства правосудія къ праву наказанія лицъ, обладающихъ разумной и свободной волей, — значитъ наталкиваться въ дѣйствительности на серьезныя препятствія.

ГЛАВА II.

МЕТОДЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ и ТЕОРІЯ УГОЛОВНОЙ ВМѢНЯЕМОСТИ.

Классическая школа, предписывая судьямъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать, поступалъ ли виновникъ дѣянія, поставляемаго въ вину, свободно или нѣтъ, вводитъ ихъ въ область запутаннаго спора, который въ теченіе уже нѣсколькихъ вѣковъ ведется между детерминистами и индетерминистами; и уже въ силу одного этого, классическая школа заключаетъ въ себѣ основаніе своей непрочности.

Детерминизмъ пользуется научнымъ методомъ; индетерминизмъ—методомъ нравственнымъ[1]). Но ни одинъ изъ этихъ двухъ методовъ не можетъ служить полезнымъ орудіемъ въ рукахъ судей, которымъ поручено примѣненіе уголовнаго закона; оба они возлагаютъ на нихъ такимъ образомъ задачу, превышающую ихъ силы.

---

[1]) *Шиллеръ*, Этюды изъ области гуманизма, Лонд. 197, стр. 391 и сл.

Детерминизмъ прибѣгаетъ къ научному методу; наука изслѣдуетъ факты и предполагаетъ извѣстное постоянство. Для того, чтобы научный опытъ или вычисленіе имѣли значеніе и чтобы могло образоваться научное понятіе закона, необходима возможность разсчитывать на постоянство отношенія причины къ слѣдствію, а вселенная не должна представляться фантастическимъ хаосомъ.

Индетерминизмъ предполагаетъ методъ нравственнный; моральная область занимается индивидомъ и предполагаетъ нѣкоторую свободу. Для того, чтобы добро отличалось отъ зла, чтобы нравственный принципъ имѣлъ значеніе, и чтобы могло образоваться понятіе нравственной обязанности, нужно, чтобы дѣйствіе было возможно, несмотря на противодѣйствіе, и чтобы человѣкъ не представлялся машиной, управляемой необходимостью. Движеніе чисто механическое не будетъ ни нравственнымъ, ни безнравственнымъ.

Но ни одинъ изъ этихъ двухъ методовъ не можетъ быть безъ исключенія принятъ судьями, призванными примѣнять уголовный законъ къ виновнымъ.

1. Детерминизмъ.

Разсмотримъ сначала детерминизмъ.

Онъ существуетъ въ формѣ детерминизма, такъ сказать, эмпирическаго; эта форма пріі-

емлема для всѣхъ, и безъ нея смыслъ существованія самаго разумнаго существа не отличается отъ фантазіи сумасшедшаго или отъ свободы полета мухи, которая, по выраженію Рескина „поступаетъ безъ мотива и безъ цѣли, какъ будто вселенная для нея не существуетъ".

Этотъ относительный детерминизмъ выражаетъ ту простую и несложную мысль, что наши поступки связаны съ нашей личностью; что различные моменты психической дѣятельности нормальной и регулярной, представляютъ связь нормальную и регулярную, что наша жизнь соткана изъ привычекъ.

Моральная причинность приведена такимъ образомъ къ нѣкоторой привычкѣ поведенія и соединяется съ нѣкоторымъ постоянствомъ и нѣкоторой опредѣленностью характера. Она есть выраженіе того начала, добытаго опытнымъ путемъ, что человѣкъ, практическая жизнь котораго исполнена высокой нравственности, намъ внушаетъ довѣріе, тогда какъ къ человѣку сомнительной нравственности мы относимся съ недовѣріемъ.

Конечно, внѣ этой истины, очевидной и банальной, существуетъ детерминизмъ нравственный, менѣе безобидный, который влечетъ за собой исчезновеніе наказанія. Онъ обязанъ своимъ появленіемъ научному энтузіазму. Онъ проявляется уже у халдеевъ, которые, замѣ-

тивъ, что непреложные законы управляютъ движеніями небесныхъ тѣлъ, распространили этотъ выводъ на всѣ моральныя явленія.[1])

Этотъ детерминизмъ заставляетъ волю покоряться суровому и неизбѣжному порядку, препятствующему всѣмъ произвольнымъ стремленіямъ, всѣмъ свободнымъ усиліямъ. Онъ представляетъ себѣ развитіе судебной драмы такимъ же предопредѣленнымъ событіемъ, какъ траэкторію планеты въ небесномъ пространствѣ.

Конечно, такой детерминизмъ не признается въ судахъ, и его заключенія постоянно наталкиваются на событія, опровергающія необходимость нашихъ поступковъ.

Дѣйствительно, всѣ мы имѣемъ желанія благородныя или грубыя; мы преслѣдуемъ цѣли добрыя или дурныя; наша дѣятельность протекаетъ въ удачахъ и неудачахъ; мы преодолѣваемъ препятствія, мы ищемъ поддержки, выбираемъ, чтобы найти средства, которыя намъ кажутся лучшими. Ошибаясь, мы пытаемся исправить свою ошибку, не спрашивая себя, были ли мы свободны, или были вынуждены ее совершить.

Словомъ, мы не остаемся пассивными зрителями того, что происходитъ передъ нами, напротивъ, мы имѣемъ сознаніе, что являемся дѣйствующими лицами. Мы составляемъ

---

[1]) *Фр. Кюмонъ*. Восточныя религіи въ язычествѣ римлянъ. Пар. 1907, стр. 216.

проэкты, отказываемся отъ нихъ, измѣняемъ и снова ихъ принимаемъ.

Въ то время какъ машина, пущенная въ ходъ, не раздумываетъ о своемъ движеніи, въ то время какъ вода, которая замерзаетъ отъ холода, не разсуждаетъ о способѣ болѣе быстраго замерзанія,—мы размышляемъ, мы разсуждаемъ, мы колеблемся. Можно даже сказать, что для дѣятельнаго самого по себѣ человѣка рѣшеніе есть результатъ долгихъ внутреннихъ колебаній.

Мы же совсѣмъ не похожи на чистые механизмы. Въ насъ есть то, что освобождаетъ отъ дѣйствія физической причинности и позволяетъ намъ свободно стремиться къ цѣли.

Есть еще и другое доказательство того, что мы надѣлены нѣкоторой внутренней свободой дѣйствія и противодѣйствія, и что мы этой свободой пользуемся.

Въ области физической природы предсказаніе иногда возможно: ученый заранѣе опредѣляетъ уклоненіе компаса, дату затменія или возвращенія кометы[1]). Но что касается поведенія людей, мы можемъ попытаться угадать его, но никогда разсчитать навѣрно, какъ поступятъ наши ближніе; такъ называемый случай разстроитъ всѣ наши разсчеты.

---

[1]) *Луи Гаве.* Единство науки, Revue bleue, ноябрь, 1905, стр. 644.

Будущее дѣйствіе иногда вѣроятно, но никогда не достовѣрно. Самый послѣдовательный детерминистъ такъ же хорошо ошибается въ своихъ предсказаніяхъ, какъ и индетерминистъ, но только каждый изъ нихъ объяснитъ свою ошибку по своему.

Индетерминистъ скажетъ: я непремѣнно долженъ ошибаться; я неспособенъ угадать, какъ поступитъ другой человѣкъ, потому что его воля, будучи свободной, ускользаетъ отъ моего наблюденія.

Детерминистъ скажетъ, что онъ случайно ошибся, потому что не зналъ всѣхъ стимуловъ, заставляющихъ волю дѣйствовать, и что поэтому данныя, необходимыя для точности его разсчета, отсутствовали.

Но въ обоихъ случаяхъ для насъ, съ нашими ограниченными способностями, результатъ одинъ и тотъ же. То, что случится завтра, сегодня скрыто отъ насъ. Часъ, который готовъ пробить, несетъ намъ неизвѣстное, и будущее скрыто отъ насъ, то есть по отношенію къ намъ свободно.

Самый послѣдовательный детерминистъ въ примѣненіи къ случайностямъ въ человѣческой жизни порождаетъ, посредствомъ научной софистики, астрологію, магію, оракуловъ, кабалистику, предзнаменованія, предсказанія о судьбѣ, обманчивая привлекательность которыхъ соблазняетъ невѣжественную толпу и поддер-

живаетъ ея вѣру въ предсказаніе будущаго.

Признаніе того, что астрологи и ихъ чародѣйства, вызыватели духовъ и ихъ заклинанія, разные Каліостро и ихъ престижъ никогда не имѣли большей цѣнности, чѣмъ предсказанія гадальщицъ на нашихъ ярмаркахъ, составляетъ по мнѣнію Кюмона[1]), блестящую побѣду современнаго ума.

Убѣжденіе, что мы не можемъ предсказывать будущее, не только составляетъ прогрессъ, но является также аргументомъ въ пользу свободы и противъ фаталистическаго детерминизма, такъ какъ наше безсиліе прорицать происходитъ оттого, что человѣкъ является изобрѣтателемъ и творцомъ той нравственной энергіи, которая ускользаетъ отъ вычисленія и необходимости. [2]).

---

[1]). *Кюмонъ*, указанная книга стр. 210 и слѣд.

[2]). Нужно ли напоминать, что самое далекое прошлое было въ свое время таинственнымъ, неизвѣстнымъ будущимъ.

Если теперь оно кажется намъ застывшимъ, опредѣленнымъ, неизмѣннымъ, то это происходитъ подъ вліяніемъ перспективы; намъ кажется, что когда-то совершившееся событіе должно было совершиться именно такъ, по той простой причинѣ, что среди всѣхъ совершившихся событій мы видѣли только этотъ изолированный актъ, а не множество тѣхъ актовъ, которые могли произойти, но не произошли.

Въ 1909 г. франко-прусская война 1870 г. и пораженіе Франціи представляются намъ неизбѣжными. Но во время переговоровъ объ испанскомъ престолѣ не могло быть твердой увѣренности въ ихъ исходѣ. Мемуары Эмиля Олливье стараются доказать, что война могла бы быть не объявлена

Мы стоимъ всегда передъ безчисленнымъ количествомъ возможностей, и наша дѣятельность выражается въ неистощимой безконечной игрѣ комбинацій.

2. Индетерминизмъ.

Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что уголовное правосудіе должно руководствоваться индетерминизмомъ? Это также совершенно невозможно. „Индетерминизмъ" по словамъ Амьеля „религія каприза." Если бы судья допустилъ, что воля господствуетъ надъ всѣми побудительными причинами, онъ такъ-же затруднился бы наказывать, какъ и руководствуясь самой послѣдовательной доктриной детерминизма; никого нельзя наказывать за поступки, чуждые его моральной личности. Фонъ-Баръ (въ своей книгѣ Gesetz und Schuld) замѣчаетъ, что если мотивы не имѣютъ вліянія на волю, на-

---

пли, по крайней мѣрѣ, не вспыхнуть тогда „Что событія, которыя считаются неизбѣжными, говоритъ Эмиль Олливье (Revue des Deux Mondes 1-го іюня 1909 г. стр. 508), никогда такими не представлялись"

Въ 1785 г, графъ Бёньо писалъ въ своихъ мемуарахъ (Парижъ, Дентю, 1866 г. стр. 55): „Монгольфье сдѣлалъ любопытное, но *безполезное* открытіе шаровъ, надутыхъ воздухомъ". Въ концѣ 20-го вѣка завоеваніе воздуха посредствомъ дирижаблей и аэропланов безъ сомнѣнія вызоветъ въ условіяхъ мира и войны такія измѣненія, которыя наши потомки найдутъ вполнѣ естественными и логически необходимыми.

Но теперь мы не знаемъ еще, какія измѣненія вызовутъ въ отношеніяхъ между людьми успѣхи механики.

казаніе не имѣетъ бо́льшаго значенія, чѣмъ всякій другой мотивъ, побуждающій воздерживаться отъ преступленія. Слѣдовательно, наказаніе не является ни полезнымъ, ни поучительнымъ; такимъ образомъ приходятъ къ заключенію, что человѣкъ, на котораго карательныя мѣры не оказываютъ никакого воздѣйствія, является самымъ свободнымъ, такъ какъ воля его совершенно свободна отъ дѣйствія всякой побудительной причины.

Не подлежитъ спору, что для классической школы существуетъ очень простой способъ поставить вопросъ такимъ образомъ: человѣка наказываютъ только тогда, когда онъ сдѣлалъ именно то, что хотѣлъ сдѣлать, когда зналъ, что дѣлалъ, и когда дѣйствіе вполнѣ сознательно.

Но за этой очень простой проблемой является другая, столь многосложная, что если бы судья дѣйствительно постарался проникнуть во всѣ ея тайники и подумать о томъ, насколько серьезныя и неясныя понятія заключаетъ въ себѣ слово „вмѣняемость“, онъ не осмѣлился бы болѣе судить своихъ ближнихъ, и мечъ правосудія выпалъ бы изъ его рукъ.

Вотъ, въ чемъ заключается эта проблема: то, что я хочу или не хочу сдѣлать, зависитъ отъ моего характера, а мой характеръ зависитъ отъ обстоятельствъ, на которыя я не имѣю воздѣйствія; характеръ находится, особенно въ стадіи начальнаго своего образо-

ванія, подъ дѣйствіемъ факторовъ, которыми я не могу располагать. Мы никогда не можемъ постигнуть всѣхъ условій первоначальнаго образованія характера, никогда не можемъ представить себѣ первоначальнаго соединенія мыслей, чувствъ, хотѣній, безчисленныхъ силъ психическихъ, моральныхъ и физическихъ, которыя скрещиваются, запутываются, перемѣшиваются и соединяются, чтобы образовать личность.

Никто изъ насъ не можетъ съ точностью опредѣлить, въ какой моментъ и по какой причинѣ неопредѣленныя свойства характера, искавшія выхода по тѣмъ тропинкамъ, которыя бороздятъ во всѣхъ направленіяхъ безконечный нравственный міръ, направились къ добру или къ злу. Не разрѣшаютъ вопроса и тогда, когда говорятъ, что преступленіе совершается вслѣдствіе недостатковъ прирожденныхъ или пріобрѣтенныхъ или вслѣдствіе порочныхъ наклонностей, такъ какъ порокъ самъ по себѣ представляетъ элементъ наслѣдственности. „Нѣкоторые люди,—восклицаетъ Гамлетъ,— съ самаго рожденія отмѣчены какимъ-то печальнымъ клеймомъ, за которое они не отвѣтственны, такъ какъ они не выбирали своего происхожденія“.

Существо порочное не стремилось родиться таковымъ, оно не выбрало себѣ ни своего организма, ни среды, ни врожденныхъ недо-

статковъ. Минимальная часть его поведенія, проходящая передъ судьями въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ судебнаго засѣданія, ничто въ сравненіи съ вѣковой традиціей, тяготѣющей надъ нимъ; минутный взрывъ страстей, кратковременная вспышка преступнаго желанія являются иногда результатомъ отдаленныхъ силъ, колебаніе которыхъ распространяется подобно свѣтовымъ лучамъ, которые бросаются въ глаза въ звѣздную ночь, хотя небесное свѣтило, испускающее ихъ, уже давно погасло.

Конечно, если попытаться выяснить причину дѣйствія, то можно обнаружить логическій рядъ послѣдовательныхъ состояній, которыя его влекутъ; и въ какой-либо моментъ оно становится сознательнымъ, свободнымъ и вполнѣ можетъ быть объяснено. Но начало теряется въ глубинѣ безсознательности и остается не обнаруженнымъ. Образъ дѣйствія человѣка зависитъ отъ второстепенныхъ обстоятельствъ, которыя мы можемъ выдѣлить. Исходная точка его находится въ темной, таинственной области, гдѣ колеблются инстинктивныя стремленія, космическія и этическія вліянія, старыя смутныя традиціи, первопричина которыхъ ускользаетъ отъ насъ. Такимъ образомъ послѣдняя причина дѣйствія остается скрытой отъ насъ; мы не властны поднять покрывало Изиды и продолжаемъ наталки-

ваться на непостижимыя, неразгаданныя тайны судьбы.

Изъ этого слѣдуетъ, что сообразно той точкѣ зрѣнія, на которую встанетъ судья, онъ можетъ рѣшить, что мой поступокъ есть результатъ моей свободной воли, и я долженъ за него отвѣчать, или что мой поступокъ происходитъ отъ моей натуры, моего характера, и я за него не отвѣчаю.

Такова двойственность, которая дѣлаетъ вопросъ неразрѣшимымъ и которая заставила Канта сказать: „Истинная нравственная цѣнность нашихъ дѣйствій, ихъ достоинства и ихъ недостатки, сама нравственная цѣнность нашей личности остаются скрытыми отъ насъ. Никто не можетъ ни изслѣдовать, ни рѣшить безошибочно, сколько въ нихъ дѣйствія совершенно свободнаго и сколько обязано нашей натурѣ, недостаткамъ или хорошимъ качествамъ нашего темперамента“ [1]). Не очевидно ли, что налагаемыя соотвѣтственной властью наказанія и жалуемыя ею награды не что иное, какъ искусственныя изобрѣтенія ума, соотвѣтствующія нашей ограниченной познавательной способности и несовершенному правосудію, но не правосудію абсолютному?

---

[1]) *Кантъ.* Критика чистаго разума. Изд. Розенкранцъ. стр. 432.

Когда есть соотвѣтствіе между удачами и неудачами, добродѣтелью и порокомъ,—мы говоримъ о неизмѣнной справедливости вещей; когда имѣетъ мѣсто разногласіе, мы возмущаемся противъ людей и противъ всего существующаго, не видя того разстоянія, которое заключается между нашими условными сужденіями и идеальнымъ правосудіемъ,—между нашими ограниченными знаніями и безконечной дѣйствительностью.

Ошибка классической школы состоитъ въ смѣшеніи такихъ различныхъ понятій, какъ оправданіе и осужденіе съ одной стороны, заслуга и вина съ другой, и въ особенности въ томъ, что она считаетъ людей властителями своей судьбы.

Если бы это было вѣрно, то всѣ дѣятельные люди были бы великими реформаторами и великими начальниками, всѣ разумные—великими учеными и великими геніями.

Геній безсиленъ безъ труда, но онъ тѣмъ болѣе геніаленъ, чѣмъ больше повинуется вдохновенію; а вдохновеніе ускользаетъ отъ воли.

Въ основаніи неуспѣховъ неудачника лежитъ его лѣность, но его паденіе тѣмъ болѣе глубоко и опасно для другихъ, чѣмъ онъ болѣе повинуется дурнымъ побужденіямъ своей низкой натуры, и эти побужденія ускользаютъ отъ воли.

И съ этой точки зрѣнія любопытно отмѣтить, что доктрина, ссылаясь исключительно на моральную свободу, заставляетъ насъ вернуться къ старому праву, которое ее отрицаетъ.

Мы охотно критикуемъ нашихъ предковъ. Мы не желаемъ болѣе, чтобы вина отцовъ падала на дѣтей. Мы отказываемся отъ жестокости Эриній, преслѣдующихъ Атридовъ за преступленія короля Микенъ; мы считаемъ варварскимъ первобытное право Рима и наше первобытное право, которыя карали и тогда, когда не было ни умысла, ни сознательной вины [1]).

И что же? Наши современные суды дѣлаютъ ежедневно то же, что они ставятъ въ вину древнимъ. Они караютъ преступниковъ, которые являются жертвами сифилиса, алкоголизма, вырожденія ихъ родителей. Правда, на нихъ налагаютъ уменьшенныя наказанія, но, однако, наказываютъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда личная вмѣняемость исчезаетъ передъ вмѣняемостью наслѣдственной.

---

[1]) *Іеринъ*: Объ ошибкѣ въ гражданскомъ правѣ, стр. 12 и слѣд.

ГЛАВА III.

НОВЫЙ МЕТОДЪ И ТЕОРІЯ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВА.

1. Принципъ защиты.

Итакъ, обращаемся ли мы къ детерминизму или индетерминизму, мы не приходимъ ни къ какому ясному, опредѣленному и удовлетворительному выводу.

Каждая изъ этихъ двухъ теорій страдаетъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: онѣ хотятъ въ одностороннихъ формулахъ выразить человѣческую натуру, сложную, неясную, противорѣчивую.

Въ насъ есть атавистическія черты, вліяніе которыхъ отражается на ходѣ нашей жизни, слѣдовательно, нужно признать нѣкоторую внутреннюю необходимость нашихъ поступковъ.

Но въ насъ есть также способность сопротивленія средѣ; наша дѣятельность стремится къ опредѣленной цѣли, поэтому мы должны допустить долю внутренней свободы поведенія.

Точка пересѣченія этихъ двухъ тенденцій составляетъ сущность нашей натуры. Свобода

и необходимость работаютъ вмѣстѣ надъ образованіемъ нашей личности и дѣлаютъ насъ энергичными и рѣшительными или слабыми и неувѣренными; — приводятъ къ тому, чтобы я сталъ самимъ собою, а не другимъ, чтобы я поступалъ такимъ именно образомъ, а не инымъ.

Вся жизнь есть внутренняя борьба; всякая борьба предполагаетъ противоположныя силы; эти различныя силы, способность творчества и традиція, комбинируются въ насъ въ неизвѣстной намъ пропорціи. Большая часть моей жизни протекаетъ такъ, что я не отдаю себѣ отчета въ томъ, какая доза свободы и необходимости входитъ въ каждый изъ моихъ поступковъ. Въ то время, когда я пишу, я не сознаю того, что мнѣнія, которыя я высказываю, самый способъ ихъ выраженія, составляютъ плодъ моего чтенія, моихъ размышленій, моего воспитанія, моей среды, моей натуры, моей воли.

Какъ же можно требовать, чтобы судья зналъ такія вещи, которыя мнѣ самому неизвѣстны, и принялъ бы ихъ за исходную точку своихъ рѣшеній?

То, что ему говорятъ, не облегчаетъ его задачи.

Вотъ передъ лицомъ правосудія, оперирующаго при помощи репрессіи, убійца. Въ тихомъ селѣ, на поворотѣ дороги, онъ подстерегъ и убилъ кинжаломъ своего противника.

Представитель закона удовольствуется разсмотрѣніемъ результата и непосредственной причины: т. е. указаніемъ на то, что жертва убита, и оружіе направлено рукой преступника, простертой имъ сознательно и свободно.

Представитель защиты будетъ смотрѣть шире; онъ остановится на связи побужденій и причинъ и попытается установить всѣ обстоятельства, которыя увлекли за собою и покорили волю преступника.

Если судьи будутъ смотрѣть съ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія, они вынесутъ разные вердикты, смотря по тому, что имѣть въ виду: свободу или необходимость; и имъ будетъ трудно рѣшить, въ какую сторону должны склониться вѣсы правосудія.

Если они будутъ разсматривать два эти фактора вмѣстѣ, то должны будутъ рѣшить трудную задачу примиренія противоположностей; и среднее рѣшеніе, которое будетъ результатомъ ихъ разсужденій, будетъ, какъ и всѣ среднія: т. е. не будетъ отвѣчать дѣйствительности.

Дѣйствительностью здѣсь является соціальная сторона драмы: населеніе, терроризованное ужасомъ преступленія; ударъ, нанесенный спокойствію деревенской жизни; необходимость возстановить ея правильное и нормальное теченіе.

И въ сущности, когда совершено какое-либо дѣйствіе, самое полезное кажется мнѣ, не разбирать, является ли способъ его совершенія убѣдительнымъ для бл. Августина и Кальвина или для Декарта, Канта, Ейкена или Вилльяма Джемса. Важнымъ представляется констатировать, принесло ли данное дѣйствіе пользу или вредъ обществу, и дать намъ возможность воспользоваться добытымъ благомъ въ первомъ случаѣ и защититься отъ зла во второмъ.

Уголовное право совершенно не имѣетъ такого безусловнаго характера, какъ гражданское или торговое право. Оно не имѣетъ своей существенною цѣлью торжества моральнаго закона. И это тѣмъ болѣе правильно, что оно не обладаетъ средствами для осуществленія подобной задачи; если бы оно попыталось ее разрѣшить, то обнаружило бы только собственное безсиліе и вызвало бы одно разочарованіе.

Уголовное право имѣетъ прикладную цѣль. Оно водворяетъ относительный порядокъ въ отношенія людей. Оно гарантируетъ насколько возможно личность, жизнь, собственность, честь гражданъ.

Съ бо̀льшимъ трудомъ приходятъ къ подобному выводу, соразмѣряя тяжесть наказанія со степенью вмѣняемости преступника, чѣмъ приспособляя принимаемыя мѣры къ свойству опасности, которую представляетъ виновникъ нарушенія общественнаго порядка.

Нужно оцѣнивать этого виновника одновременно и съ точки зрѣнія индивидуальнаго значенія совершеннаго имъ, и со стороны соціальнаго значенія.

Нужно бороться со всѣми проявленіями преступности мѣрами юридической или соціальной защиты, и высокая миссія государства въ этой области состоитъ въ томъ, чтобы, ограждая максимумъ общественной безопасности, въ то же время сократить до минимума индивидуальныя страданія.

Но эта система встрѣчаетъ три категоріи возраженій.

Первое возраженіе состоитъ въ томъ, что, удаляя изъ зала судебнаго засѣданія споръ о степеняхъ вмѣняемости, мы заставляемъ исчезнуть съ мірового горизонта идею моральной свободы.

Второе—состоитъ въ утвержденіи, что на практикѣ невозможно обойти критеріи вмѣняемости.

Третье говоритъ, что наша система совершенно не считается съ индивидуальностью виновнаго.

Намъ предстоитъ войти въ обсужденіе всѣхъ этихъ трехъ возраженій.

2. Защита общества и свобода.

Конечно, моральная свобода необходима для нравственнаго развитія человѣчества, но зави-

ситъ ли судьба этой идеи отъ приговора суда, который осуждаетъ или оправдываетъ виновника преступнаго дѣянія.

Вполнѣ очевидно, что здѣсь двѣ группы различныхъ идей. Идея моральной свободы не зависитъ отъ того, какимъ образомъ государство выполняетъ свою высокую миссію полиціи и охраненія безопасности; она зависитъ отъ того значенія, которое приписываютъ ей въ міровой гармоніи; она измѣняется въ зависимости отъ того, какъ разсматривать вселенную: какъ бездушный ли механизмъ, или какъ разумную телеологію, и идея моральной свободы находится въ соотвѣтствіи, кромѣ того, съ теоріей эволюціи.

Доктрина эволюціи для проблемы моральной свободы получила окончательную цѣнность лишь съ тѣхъ поръ какъ, не довольствуясь болѣе ученіемъ о нашемъ происхожденіи и о морфологическомъ развитіи видовъ, она явилась намъ, по словамъ Бергзона, эволюціей созидательницей, [1]) доказывающей прогрессивное развитіе вселенной.

Теперь мы разсматриваемъ вселенную не какъ совершенную, цѣльную, законченную дѣйствительность, но какъ осуществленіе плана и замысла, сообразно которому онъ располо-

---

[1]) *Берізонъ*. Творческая эволюція, Пар. 1907.

женъ. [2]) Эволюція, наконецъ, приводитъ насъ къ выбору между слѣпой силой случая и свободной, разумной дѣятельностью, стремящейся къ цѣли; она ведетъ насъ къ моральной свободѣ вопреки механизму вселенной.

Но какимъ образомъ можетъ судья, принимая на себя обязанность защиты общества, исполняя практическую соціальную задачу, возложенную на него обществомъ, принести вредъ идеѣ свободы?

Напротивъ, можно предположить, что принципъ соціальной защиты, привлекая болѣе вниманіе судей къ достиженію цѣли, къ которой должно стремиться общество, заставляетъ правосудіе активно участвовать въ телеологіи вселенной и наиболѣе соотвѣтствуетъ сущности права.

Въ самомъ дѣлѣ, Іерингъ сказалъ, что цѣль есть по преимуществу творецъ права. [2]) Законодатель издаетъ законы только для устраненія злоупотребленій и вознагражденія за вредъ, для улучшенія сушествующаго и для нашего усовершенствованія. Судья примѣняетъ ихъ лишь для того, чтобы справедливость и

---

[2]) См. мою ст. *Эволюція и матеріалистическая концепція вселенной* (Revue de l'Uuiv. lib. de Bruxelles, oct. 1907).

Штаммлеръ (*Хозяйство и Право*) и Морисъ Вотье (*Бюллетень Бельгійской Королевской Академіи*) также приходятъ къ телеологическому характеру права.

[2]) *Іерингъ.* Цѣль въ правѣ, 1884, Лейпц. стр. 3 и слѣд.

гармонія водворились въ отношеніяхъ между людьми.

Если идея цѣли одна даетъ смыслъ какъ вселенной и жизни, такъ и всѣмъ людскимъ предпріятіямъ, то она одна также даетъ смыслъ и праву. Безъ надежды, безъ возможности усовершенствованія право не имѣетъ никакого смысла; тогда довольно было бы и силы.

Спеціально въ уголовномъ правѣ, предположите на мгновеніе, что мы внезапно убѣждаемся, что все должно исчезнуть, что будущаго болѣе не существуетъ, что вся сумма вещей извѣстныхъ и неизвѣстныхъ должна окончательно уничтожиться. Какую практическую цѣнность имѣли бы тогда (несмотря на категорическій императивъ Канта) обнародованные законы, приговоры, постановленные или имѣющіе быть постановленными, наказанія отбытыя или имѣющія быть отбытыми?

Уголовное правосудіе имѣетъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если у насъ есть будущее, есть цѣль. Доктрина же защиты общества нисколько не противорѣчитъ идеѣ цѣли, не заставляетъ насъ предаваться безплоднымъ размышленіямъ о совершенномъ дѣяніи, но указываетъ намъ цѣль, достойную преслѣдованія, состоящую въ охраненіи цѣлесообразными мѣрами безопасности и общественной нравственности, въ защитѣ которыхъ мы нуждаемся. Эта роль поистинѣ величественна. Она без-

условно входитъ въ предѣлы компетенціи судьи, и этотъ послѣдній обладаетъ средствами вполнѣ достаточными для ея выполненія.

3. Защита общества и общія тенденціи права.

Но зная притомъ, какъ трудно судьѣ всегда опредѣлять, какое количество свободной воли участвуетъ въ совершеніи преступнаго дѣянія, возможно ли тѣмъ не менѣе утверждать, что функціи репрессивнаго правосудія невозможно выполнить другимъ способомъ?

Возраженіе это не имѣетъ значенія, потому что гражданскіе судьи умѣли и умѣютъ еще выносить рѣшенія, принимая въ разсчетъ не одну только мѣру вмѣняемости и виновности.

Невозможно возражать на это, что нельзя сравнивать между собой гражданскую и уголовную юстицію, потому что та и другая имѣютъ, безъ сомнѣнія, одно и то же происхожденіе, одну и ту же сущность и одинаковую миссію, которую Ульпіанъ опредѣлилъ слѣдующими словами: „Juris praecepta sunt haec: Honeste vivere, alterum non laedere. Suum cuique tribuere“.

Нѣтъ сомнѣнья, что въ древнемъ правѣ римскомъ и германскомъ не было дѣленія на гражданское и уголовное право. Честность въ договорныхъ отношеніяхъ была правиломъ публичнаго порядка, наравнѣ съ уваженіемъ къ собственности и жизни. Протори и убытки

имѣютъ характеръ карательныхъ мѣръ, какъ и карательныя мѣры имѣютъ характеръ удовлетворенія. И въ обоихъ случаяхъ шла рѣчь объ охраненіи интереса публичнаго и интереса частнаго. [1])

Исторія штрафа есть также аргументъ въ пользу первоначальнаго единства обоихъ правъ.

Въ промышленныхъ городахъ среднихъ вѣковъ, когда съ одной стороны юридическій строй массъ не былъ еще совершеннымъ, но съ другой сознавался уже интересъ въ исполненіи обязательствъ, законъ покровительствовалъ совершенію договоровъ и наказывалъ за неисполненіе ихъ [2]).

Итакъ, мало по малу, появилось два параллельныхъ теченія: прежде всего прогрессъ юридическихъ нравовъ сократилъ роль наказанія и позволилъ часто удовлетворяться гражданской санкціей. Потомъ возростающее экономическое неравенство и увеличеніе количества несостоятельныхъ должниковъ побудило во многихъ случаяхъ при неуплатѣ гражданскаго взысканія прибѣгать къ единственно примѣнимой уголовной отвѣтственности. И, наконецъ, дифференціацію обоихъ правъ можно приписать измѣненію соціальныхъ условій.

---

[1]) См. также *фонъ Баръ*: Gesetz uud Schuld im Strafrecht. Berlin. 1907 г. I, II стр. 436 и сл.

[2]) Sickel. Die Bestrafung des Vertragsbruches und andere Rechtsverletzungen. Галле, 1876, passim.

Въ новѣйшее время къ этой причинѣ диф-ференціаціи мы можемъ присоединить еще одно особое обстоятельство: введеніе пенитен-ціарнаго режима съ его моральными стремле-ніями, съ милліонами издержекъ для этой цѣли, ослабило въ наказаніи, имѣющемъ но-сить воспитательный характеръ, идею возна-гражденія вреда и уменьшило аналогію между неправдой гражданской и уголовной.

Но, несмотря ни на что, противорѣчіе ме-жду соблюденіемъ договоровъ и уваженіемъ собственности и личности въ дѣйствитель-ности въ наши дни далеко не такъ рѣзко, какъ это можно было бы думать.

Мы несомнѣнно приписываемъ большее зна-ченіе соціальнымъ благамъ, защищаемымъ посредствомъ наказанія, въ сравненіи съ тѣми цѣнностями, которыя охраняются взысканіемъ убытковъ и, въ особенности думаемъ, что въ современномъ цивилизованномъ государствѣ гражданская отвѣтственность достаточно за-щищаетъ исполненіе договоровъ.

Но если бы случайно нечестность возросла, если бы должники перестали платить свои долги, то, по словамъ Іеринга, законодатель установилъ бы отвѣтственность болѣе суро-вую и не довольствовался бы уже простыми гражданскими послѣдствіями неплатежа.

Наконецъ, множество проступковъ не при-

мыкаетъ *всецѣло* ни къ области гражданскаго, ни къ области уголовнаго права.

Неисполненіе обязательства жениться, обольщеніе безъ изнасилованія представляются гражданскими нарушеніями; но они не менѣе важны, чѣмъ преступленіе прелюбодѣянія.

Заниматься отгадываньемъ сновъ, жить подъ чужимъ именемъ, совершать легкіе обманы, заниматься незаконно медицинской практикой, вотъ нарушенія, конечно менѣе важныя, чѣмъ злостное нарушеніе договора съ его гибельными послѣдствіями.

Обида и отцеубійство, помѣщенныя вмѣстѣ въ уголовномъ кодексѣ, — дѣянія болѣе различныя, чѣмъ обманъ гражданскій и уголовный.

Знаменитые юристы рельефно выразили это сходство.

Савиньи пишетъ: „Обязанность вознаградить ущербъ, причиненный преступленіемъ, такого же свойства, какъ и обязательство, проистекающее изъ договора“ [1]). Іерингъ полагаетъ, что „гражданское правосудіе должно быть не только вѣсами, но и мечомъ, оно должно не только взвѣшивать, но и разить“ [2]). И Тардъ сказалъ: „Судебное разбирательство гражданскаго дѣла часто болѣе возмутительно, чѣмъ уголовнаго. Въ нѣкоторыхъ

---

[1]) *Савиньи*. Система Римскаго права, I, V, стр. 49 и 50.
[2]) *Іерингъ*. Борьба за право, стр. 6.

процессахъ, гдѣ выставляется напоказъ циничная недобросовѣстность стороны, выступающей въ полномъ обладаніи своихъ способностей, больше безнравственности, чѣмъ въ большей части мелкихъ кражъ, легкихъ побоевъ и ранъ, нанесенныхъ въ состояніи преходящаго возбужденія. То, что юристы называютъ гражданскимъ обманомъ, есть въ сущности видъ гражданско-правовой преступности" [1]).

Начиная отъ должника, который не платитъ кредитору по несостоятельности, забывчивости, небрежности, вслѣдствіе притѣсненій или по недобросовѣстности, и кончая тѣми, кто удерживаетъ вещь другого безъ основанія и права на нее или получаетъ вещь обманомъ или хитростью, или завладѣваетъ ею потому, что она въ его власти, или похищаетъ ее насильственно, или убиваетъ, чтобы завладѣть ею, существуетъ градація вины и безнравственности, но сущность неправды гражданской и уголовной есть обогащеніе виновника, причиненіе ущерба праву другого и нарушеніе установленнаго общественнаго порядка.

Но, несмотря на сходство обѣихъ неправдъ, что́ же происходитъ въ области гражданской?

Я, конечно, оставляю въ сторонѣ случаи умопомѣшательства и беру обыкновенные случаи.

---

[1]) *Тардъ*. Философія уголовнаго права. стр. 92.

Развѣ протори и убытки уменьшаются подобно наказанію, то-есть пропорціонально количеству свободной воли, проявленной при совершеніи дѣянія?

Развѣ при договорѣ признается, что должникъ, будучи дефектнымъ или недоразвитымъ въ умственномъ отношеніи, долженъ платить только часть своей арендной платы, своего долга, своего обязательства?

Развѣ при совершеніи дѣяній, не являющихся преступленіемъ въ собственномъ смыслѣ, утверждаютъ, что потерпѣвшій въ своихъ гражданскихъ правахъ не получитъ полнаго удовлетворенія, потому что виновникъ этого ущерба слабоуменъ?

Въ гражданской жизни тысячи поврежденій совершаются по неосторожности или умышленно, и особенности ихъ неисчислимы.

Неосторожное нарушеніе можетъ причинить большій ущербъ, чѣмъ умышленное и тогда удовлетвореніе ущерба будетъ болѣе значительно въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ.

Эти различныя нарушенія могутъ совершаться или эксцентричными любителями оригинальности, лицами невоспитанными, нежелающими быть корректными, или небрежными, легкомысленными, безпечными, неблагоразумными, дѣйствующими импульсивно, страстными, раздражительными, мстительными, злыми людьми, или алкоголиками, слабо-

умными дегенератами и т. д. И всѣ эти варіаціи, доходящія до умопомѣшательства, которое влечетъ за собою ограниченіе въ гражданскихъ правахъ и помѣщеніе въ соотвѣтственныя учрежденія, въ свою очередь, неисчислимы.

Если въ каждой изъ перечисленныхъ возможностей гражданскій судья долженъ бы былъ анализировать состояніе ума правонарушителя съ точки зрѣнія количества воли, которая имѣетъ мѣсто при совершеніи дѣянія, то безпрестанно доходилъ бы до необходимости доказательствъ неполной вмѣняемости и судъ чрезмѣрной снисходительностью вредилъ бы гражданскимъ отношеніямъ между людьми. Но судья не преслѣдуетъ оттѣнковъ вмѣняемости; онъ лишь оцѣниваетъ поведеніе индивида и его вредныя послѣдствія; онъ защищаетъ жертву и признаетъ общественное право оскорбленнаго на полученіе удовлетворенія.

Кодексъ Наполеона поразительнымъ образомъ усваиваетъ точку зрѣнія соціальной защиты въ предположеніяхъ статей 1384, 1385 и 1386.

Въ силу этихъ статей лица отвѣтственны за убытки, причиненныя черезъ своихъ служащихъ, за вещи, которыя хранили, за животныхъ и строенія, находящіяся въ ихъ собственности. При этомъ пострадавшій не дол-

женъ доказывать вину отвѣтчика. Т.-е. Code civile защищаетъ здѣсь прежде всего интересы потерпѣвшихъ и не заботится о затрудненіяхъ при доказательствѣ личной отвѣтственности.

Къ тому же, въ уголовномъ правѣ сама классическая школа наказываетъ иногда, заботясь главнымъ образомъ о поддержаніи публичнаго порядка, и не задаваясь вопросомъ о томъ, зависитъ ли поставленный въ вину поступокъ отъ сознательной и свободной воли дѣятеля.

Въ особенности это ясно по отношенію къ тѣмъ преступленіямъ, которымъ наши кодексы присваиваютъ названіе „неумышленныхъ“ напримѣръ убійство, происшедшее отъ побоевъ или ранъ, *разъ виновникъ не имѣлъ намѣренія* убивать, (ср. п. 401) или убійство или поврежденія, происшедшія отъ недостатка предусмотрительности и осторожности, *разъ виновникъ не имѣлъ намѣренія* причинить смерть или поврежденіе (ср. п. 418).

Въ этихъ случаяхъ, какъ и во всѣхъ тѣхъ, гдѣ наказывается небрежность, законъ, защищая общество не отъ зла, причиненнаго съ хотѣніемъ результата, но отъ недостаточно обдуманныхъ дѣйствій какъ бы объявляетъ гражданамъ, что благоразуміе обязательно для всѣхъ, и что законъ требуетъ его во имя общественной пользы.

Это видно также и изъ того, что кодексъ наказываетъ лицъ, которыя безъ намѣренія обмануть продавали или выпускали на рынокъ фальсифицированные съѣстные припасы (ср. п. 561).

Наконецъ, что касается преступнаго бездѣйствія или простыхъ матеріальныхъ нарушеній кодексомъ предусмотрѣнныхъ, то уголовные суды не имѣли бы ни повода, ни возможности анализировать степени уголовной отвѣтственности и количество воли, направленной на совершеніе дѣянія. Мировой судья, осуждая въ силу статьи 551 хозяйку предпріятія за нарушеніе предписанія о содержаніи дорогъ, лишь обезпечиваетъ чистоту и свободу движенія по улицамъ, не занимаясь вопросомъ о томъ, эксцентрична ли эта хозяйка, небрежна, не пріучена къ дисциплинѣ или своенравна, и поступаетъ ли она такимъ образомъ умышленно или неумышленно.

Съ другой стороны намъ извѣстны и умышленныя дѣянія, совершенныя при условіяхъ полной отвѣтственности, за которыя однако законъ не наказываетъ.

Я подразумѣваю здѣсь убійство при необходимой оборонѣ или кражу между родственниками. И по какой иной причинѣ отсутствуетъ здѣсь рука карающаго правосудія, какъ не по той, что интересы общественной пользы не требуютъ преслѣдованія такихъ дѣяній,

и нѣтъ общественной пользы въ примѣненіи къ нимъ наказанія.

Такимъ образомъ въ положительномъ гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ 19-го вѣка проявляются уже тенденціи, которыя не согласуются съ его основными принципами и, возникая подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ жизненныхъ потребностей, опрокидываютъ стройную логику идей вмѣняемости классической школы и вызываютъ появленіе идеи соціальной защиты.

Резюмируя сказанное, принципъ защиты общества объясняется очень просто. Мы хорошо знаемъ, что какъ физическая жизнь людей невозможна безъ неизмѣнныхъ законовъ природы, такъ и ихъ общественная жизнь невозможна безъ постоянныхъ законовъ соціальныхъ. Чтобы упрочить это постоянство, нужна государственная власть съ ея усовершенствованной организаціей, съ ея системой, съ ея многочисленными органами и правильно организованнымъ судопроизводствомъ.

Миссіей современнаго государства является защита насъ прежде всего отъ всякой неправды, какова бы она ни была: гражданской или уголовной, обусловленной умысломъ гражданскаго права или уголовнаго, неосторожностью гражданско-правовой или уголовно-правовой или даже грозила бы отъ естественныхъ силъ, независимыхъ отъ поступковъ человѣка; госу-

дарство защищаетъ насъ отъ всѣхъ, причиняющихъ неправду, хотя бы это были люди, не могущіе ни въ чемъ себя упрекнуть (напримѣръ добросовѣстный владѣлецъ моего имущества), или такіе, для которыхъ жизнь сама по себѣ служитъ цѣлью и которые не привыкли вмѣстѣ съ тѣмъ къ дисциплинѣ и позволяютъ страсти или корыстолюбію торжествовать надъ обязанностью. Государство защищаетъ насъ, сообразуясь главнымъ образомъ съ конкретными условіями дѣйствительной жизни и объективными обстоятельствами происшедшаго нарушенія, налагая, согласно съ природой этихъ обстоятельствъ, наказанія, болѣе или менѣе строгія, употребляя средства болѣе или менѣе дѣйствительныя, и назначая власти административныя или судебныя, гражданскія или уголовныя.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что мѣры, которыя должны быть приняты, не ограничиваются исключительно наказаніями; онѣ могутъ быть въ такой-же мѣрѣ воспитательными, благотворительными, содѣйствующими, заглаждающими вредъ, какъ и репрессивными. Онѣ могутъ быть исполненіемъ нарушеннаго обязательства, присужденіемъ къ уплатѣ убытковъ, помѣщеніемъ въ убѣжище, въ домъ умалишенныхъ или заключеніемъ въ тюрьму. Но, несмотря на разнообразіе юридическихъ

формъ, единственная и постоянная цѣль ихъ заключается въ поддержаніи порядка.

И мы, съ этой точки зрѣнія, являемся свидѣтелями новаго направленія въ правѣ.

Огромная соціальная машина, работая полнымъ ходомъ, производитъ безчисленныя тренія, безчисленныя поврежденія во всей природѣ; и въ такихъ сложныхъ культурныхъ условіяхъ, какъ наши, становится все труднѣе и труднѣе добраться до истиннаго виновника вреда, узнать или доказать съ опредѣленностью, гдѣ вина, кто виноватъ и каковы степени этой вины.

Но такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо для сохраненія и устойчивости общества возстановленіе нарушеннаго юридическаго порядка, то вопреки традиціямъ римскаго права и Кодекса Наполеона пришли къ смѣлому рѣшенію: *не ставить болѣе возстановленіе права въ зависимость отъ доказательства вины.*

Такимъ образомъ въ промышленномъ правѣ, подъ вліяніемъ законодательства Бисмарка, по отношенію къ несчастнымъ случаямъ на работѣ появилось понятіе *профессіональнаго риска.* Здѣсь не идетъ больше рѣчи о винѣ хозяина или рабочаго, а стремятся установить наличность несчастнаго случая; законъ же опредѣляетъ размѣръ возмѣщенія въ соотвѣтствіи съ правонарушеніемъ.

Такъ въ новомъ Германскомъ гражданскомъ улож. возникла теорія причинной отвѣтственности въ противовѣсъ теоріи виновной отвѣтственности. Статья 829 Германскаго гражданскаго уложенія замѣняетъ отвѣтственность, основанную на винѣ, отвѣтственностью, основанной на причинѣ. Достаточно, чтобы поступокъ дѣятеля былъ причиной вреда, и отвѣтственность за него обязательна, хотя бы морально онъ и не былъ вмѣненъ ему въ вину. И въ будущемъ вредъ, причиненный сумасшедшимъ, также долженъ будетъ вознаграждаться [1]).

Точно также и во Франціи у такихъ извѣстныхъ юристовъ, какъ Saleilles и Josserand, возникла доктрина отвѣтственности объективной и независимой отъ вины [2]).

Этимъ путемъ появилось понятіе юридическаго риска [3]), состоящее по словамъ Пикара, [4]) въ томъ, что если при несчастномъ случаѣ,

---

[1]) См. *Генрихъ Роленъ.* **Отвѣтственность безъ вины** (Revue de droit international, 1906, I, VIII стр. 28).

См. докладъ Брауна о проэктѣ закона о гражданской отвѣтственности при несчастныхъ случаяхъ съ автомобилями (Парламентскіе документы, Сенат: 1906 г. № 87 стр. 63).

[2]) *Генрихъ Роленъ* цит. статья.

[3]) См. изложеніе понятій юридическаго риска въ выше поименованномъ докладѣ Брауна.

[4]) *Эдмондъ Пикаръ.* Новое право. Ларсье, 1907 стр. 30.

Въ противоположномъ духѣ Вотье. Объ отвѣтственности въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ (Revue de l'univ. libre de Bruxeilles, январь 1908).

вызывающемъ вредъ, невозможно опредѣлить, кто виноватъ, несправедливо, тѣмъ не менѣе, не вознаграждать причиненнаго ущерба подъ предлогомъ сомнѣнія въ доказательствахъ.

При тѣхъ же условіяхъ возникаетъ въ уголовномъ правѣ теорія защиты общества, которая соотвѣтствуетъ, въ свою очередь, прогрессу современнаго правосознанія и порождаетъ право государства дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ, не соображаясь съ идеей вины и вмѣняемости.

4. Защита общества и индивидуальныя наклонности преступника.

Но не заставляетъ ли насъ понятіе защиты общества пренебрегать субъективной стороной преступности и прибѣгать къ праву наказанія, не придавая никакого значенія столь справедливой идеѣ индивидуализаціи наказанія?

Ничего подобнаго. Разница между правомъ классической школы и новымъ направленіемъ въ правѣ не состоитъ въ томъ, что первое признаетъ нравственную индивидуальность преступника, а второе ее отрицаетъ; все зависитъ отъ того, что измѣнился уголъ, подъ которымъ ее разсматриваютъ и что возникаютъ новыя точки зрѣнія.

Если прослѣдить теоріи права наказанія, высказывавшіяся съ 18-го вѣка, то въ сущно-

сти можно свести ихъ къ двумъ большимъ группамъ:

Во 1-хъ тѣ, которыя считаютъ, что виновный долженъ пострадать, потому что онъ причинилъ зло и нарушилъ свою обязанность. „Poena est malum passionis propter malum actionis“ [1]). Въ основаніи этихъ теорій, если добраться до ихъ первоисточника, лежитъ идея искупленія.

Ко второй группѣ относятся тѣ теоріи, которыя соціальное значеніе наказанія видятъ въ противодѣйствіи повторенію зла въ будущемъ, либо лишая самаго преступника возможности вредить, либо препятствуя другимъ ему подражать; и въ основаніи этихъ теорій, если прослѣдить ихъ до конца, лежитъ идея общественной защиты.

Первая группа теорій имѣетъ значеніе, если наказаніе считать призывомъ къ раскаянію; но наказаніе не служитъ призывомъ къ раскаянію и не имѣетъ характера искупленія, если преступникъ искренно сознаетъ свою вину. Такимъ образомъ польза наказанія зависитъ исключительно отъ наклонностей преступника и отъ его внутреннихъ переживаній послѣ совершенія преступленія.

Но тогда увѣренность въ цѣлесообразности наказанія становится очень незначительной; у человѣка нравственнаго, который совершилъ

---

[1]) *Гаусъ.* Бельгійское уголовное право, Гентъ, I, 1, стр. 17.

преступленіе, хорошія наклонности проявляются помимо наказанія, а у развратнаго, злого, безнравственнаго, испорченнаго дурныя наклонности существуютъ, несмотря на наказаніе. Это доказывается существованіемъ преступнаго класса рецидивистовъ.

Кромѣ того, если причинять страданіе можно только пропорціонально вмѣняемости и винѣ осужденнаго, то какъ оправдать причиненіе страданій сумасшедшему? Несомнѣнно, что сумасшедшій, помѣщенный въ домъ умалишенныхъ, такъ-же остро чувствуетъ свое заточеніе, какъ и преступникъ свое тюремное заключеніе. Оба они требуютъ свободы и утверждаютъ, что содержатся въ заключеніи неправильно, одинъ, ссылаясь на здравый умъ, другой, заявляя, что онъ невиновенъ.

По какому же праву полагаютъ, что одинъ изъ двухъ получаетъ заключеніе въ видѣ наказанія, а другой—какъ средство защиты отъ самого себя и для защиты другихъ?

Для того, чтобы убѣдиться въ искусственномъ характерѣ теоріи классической школы, достаточно сопоставить ее съ натурой нѣкоторыхъ преступниковъ, которые, не будучи особенно опасными, невоспріимчивы къ вліянію наказанія; они похожи на игрока, охваченнаго страстью къ игрѣ и проматывающаго милліоны несмотря на всѣ усилія остановить его, несмотря на горе и разореніе близкихъ, несмотря

на распаденіе своей семьи. Какая связь была бы между идеей тюремнаго заключенія и идеей искупленія, раскаянія и возрожденія для того, кого ни самые страшные удары судьбы, ни тяжкія утраты, ни зловѣщія предостереженія не могли удержать отъ стремленія къ печальному концу?

Англичане разсказываютъ [1]) намъ объ индивидахъ, которые не находясь въ нищетѣ, тѣмъ не менѣе постоянно судятся за мошенническое присвоеніе товаровъ, цѣны которыхъ они не могутъ заплатить. Эти товары не приносятъ имъ никакой пользы, и они не могутъ ихъ сбыть безъ риска быть задержанными. Они знаютъ, что они извѣстны и находятся подъ надзоромъ, но опять такъ же неискусно, въ той же самой мѣстности, они совершаютъ то же самое мошенничество и подвергаются тому же наказанію тюремнымъ заключеніемъ, моральное вліяніе котораго поистинѣ сомнительно!

Намъ свидѣтельствуютъ то-же о фальшивомонетчикахъ, такъ грубо поддѣлывающихъ монету, что арестъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію при первой же попыткѣ сбыта. Они подвергаются тюремному заключенію, наказанію, которымъ они не должны были бы рисковать для честнаго заработка, и тѣмъ не менѣе при всякомъ удобномъ случаѣ они

[1]) См. эти примѣры въ статьѣ Times'a отъ 21 мая 1909 года.

вновь принимаются за то же самое рискованное ремесло. [1])

Къ этимъ примѣрамъ можно присоединить типъ преступника, уже менѣе безобиднаго, а именно модернизованный типъ прежнихъ авантюристовъ, преобразовавшійся въ наши дни въ преступника международнаго.

Дѣло идетъ о ворахъ скорыхъ поѣздовъ и первоклассныхъ отелей, богатыхъ банковъ и магазиновъ драгоцѣнностей. Воры эти оперируютъ въ одиночку или шайкой, входя въ общество людей, обладающихъ досугомъ, и т. наз. золотой молодежи; современные романисты описываютъ намъ ихъ похожденія. Чтобы имѣть успѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, они должны прикрываться титулами и громкими именами, имѣть знакомства въ свѣтѣ, изящныя манеры и владѣть языками. Они иногда путешествуютъ съ громаднымъ багажомъ и штатомъ прислуги [2]); они могли бы съ меньшими жертвами спокойно занимать скромныя должности, но предпочитаютъ рискъ осужденія. Ихъ толкаетъ тщеславіе, котораго они не могутъ удовлетворить, идя по правильному пути, и неумѣренныя потребности; у нихъ на-

---

[1]) См. эти примѣры въ статьѣ Times'a отъ 21 мая 1909 года.

[2]) См. объ этихъ спеціалистахъ два интересныхъ доклада доктора Линденау и д-ра Гонфа (Бюллетень международнаго союза криминалистовъ т. XIII, кн. II, стр. 281 и сл; стр. 295 и сл.)

блюдается непреодолимое стремленіе добиться немедленнаго результата и выйти изъ слишкомъ узкаго круга обыденной жизни. Наказаніе кладетъ на нихъ пятно, но не успокаиваетъ ихъ нетерпѣнія и не научаетъ ихъ добродѣтели довольствоваться малымъ, но постояннымъ.

Укажемъ также на особенности психики множества безнравственныхъ, (какъ напр. эксгибиціонисты, насильники, лица, посягающія на половую нравственность и вообще разнузданные), которые склонны ко всякаго рода извращеніямъ и страдаютъ непреодолимыми наклонностями.

Отмѣтимъ также психическія черты нищихъ и бродягъ, которые, не доходя по отсутствію энергіи до уголовнаго преступленія, никогда не работаютъ, когда бываютъ свободны, и выходятъ изъ мѣстъ призрѣнія нищихъ, чтобъ опять въ нихъ вернуться, какъ только они прожили небольшія сбереженія, скопленныя во время пребыванія въ этихъ мѣстахъ.

И если разслѣдовать психологію наиболѣе опасныхъ преступниковъ, то у нихъ находятъ такое упорство злыхъ или звѣрскихъ инстинктовъ, которое въ состояніи притупить лишь старость.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ теоретическія положенія, оправдывающія наказаніе, сталкиваются съ дѣйствительнымъ психическимъ предрасположеніемъ индивида, который под-

вергается наказанію; изъ всѣхъ этихъ положеній я вижу только одно, которое проявляется независимо отъ моральныхъ наклонностей преступника, именно потому, что оно не считается съ самымъ преступникомъ. Я имѣю въ виду примѣрность наказанія, т. е. дѣйствіе его не на самого виновника, а на массы.

Вполнѣ понятно, что школа пенитенціаристовъ, съ ея мечтой объ исправленіи и воспитаніи воли, улучшеніи нравственности и конечной реклассаціей большинства заключенныхъ, не могла оправдать своихъ надеждъ; и эта причина главнымъ образомъ заставила науку уголовнаго права склониться болѣе въ сторону защиты общества, чѣмъ въ сторону искупленія.

Я прибавлю теперь, что, не отрицая основного принципа индивидуализаціи наказанія, доктрина защиты общества осуществляетъ его, быть можетъ, болѣе непосредственно и методично, чѣмъ это дѣлалось прежде.

Классическую школу упрекали въ пренебреженіи принципомъ индивидуализаціи, въ распредѣленіи по слишкомъ схематическимъ правиламъ снисходительности и суровости, обстоятельствъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину; упрекали ее также и въ однообразіи пенитенціарныхъ учрежденій, которое противорѣчитъ разнообразію преступныхъ типовъ, въ томъ однообразіи, которое то сурово, то полно наивной чувствительности и имѣетъ иногда

своимъ послѣдствіемъ иллюзорность аппарата уголовной юстиціи.

Способъ дифференціаціи наказанія у новѣйшей школы—другой; она болѣе занимается природой преступнаго дѣятеля, чѣмъ опредѣленіемъ преходящаго количества воли, которая проявляется при совершеніи преступнаго дѣянія; новѣйшая школа занимается также больше опредѣленіемъ характера наказанія, чѣмъ размѣромъ его. Она сообразуетъ строгость и снисходительность въ соотвѣтствіи съ мѣрой конкретной соціальной необходимости, а эта конкретная мѣра въ свою очередь сообразуется съ неизмѣнно присущимъ преступнику состояніемъ его психики.

И эта дифференціація болѣе опредѣленна съ двухъ точекъ зрѣнія.

Для общества, прежде всего, болѣе опасенъ профессіональный преступникъ, чѣмъ первичный; преступники, дѣйствующіе группой, опаснѣе преступниковъ, дѣйствующихъ изолированно; упорная хитрость или холодная злоба или жестокость опаснѣе быстро вспыхивающей запальчивости, легкомыслія или страсти. Правосудіе, такимъ образомъ, при опредѣленіи наказанія находитъ первое прочное основаніе оцѣнки въ свойствѣ опасности, угрожающей обществу со стороны неизмѣннаго уклада индивидуальности виновнаго.

Общество, далѣе, можетъ опасаться и кой чего другого. Оно должно принимать мѣры

защиты и предосторожности, смотря по тому, о комъ идетъ дѣло: о преступникахъ ли по страсти и вслѣдствіе несчастія,—которые должны быть лишены свободы главнымъ образомъ для примѣра,—или объ антисоціальныхъ непокорныхъ средѣ элементахъ, которыхъ нужно обезвредить, или, наконецъ, о ненормальныхъ и дегенератахъ, которыхъ нужно подвергнуть режиму, способному служить цѣлямъ защиты и предупрежденія.

Это обусловливается тѣмъ, что рамки пенологіи классической школы стали слишкомъ тѣсными и наша однообразная уголовная система не отвѣчаетъ болѣе современнымъ потребностямъ.

Мы не можемъ болѣе ограничиваться математическимъ исчисленіемъ продолжительности тюремнаго заключенія и изслѣдованіемъ деталей организаціи тюремной кельи.

Мы не можемъ болѣе ограничиваться измѣненіемъ только размѣра одного и того же наказанія; нужно измѣнять самый режимъ и создавать новые типы учрежденій. Я укажу на четыре группы оскудѣвшихъ вслѣдствіе вырожденія, эпилептиковъ, алкоголиковъ и безнравственныхъ сексуалистовъ, для которыхъ криминалисты и пенологи должны создать разнообразный и спеціальный режимъ, приспособленный къ природѣ преступниковъ, которыхъ предстоитъ помѣщать въ учрежденія.

Ясно, и это не безполезно отмѣтить, что меньше заниматься опредѣленіемъ степеней уголовной вмѣняемости и вины, совсѣмъ не значитъ еще придавать меньшее значеніе психологіи преступника.

Нужно отмѣтить еще одну послѣднюю черту. Принципъ защиты общества выходитъ за предѣлы уголовнаго права и наказуемости.

По общему правилу соціальная опасность является результатомъ преступности. Тѣмъ не менѣе ее можно предвидѣть до совершенія преступленія и независимо отъ него.

Дегенераты, оскудѣвшіе, слабоумные, эпилептики, глубоко ненормальные обнаруживаютъ свою опасность послѣ того какъ стали преступниками. Но даже, оставаясь внѣ сферы преступности, они служатъ угрозой себѣ самимъ и другимъ, такъ какъ, предоставленные своимъ силамъ, они не способны къ правильной жизни и внушаютъ тѣмъ болѣе безпокойства, чѣмъ они моложе и заброшеннѣе.

Государство не можетъ оставаться индифферентнымъ по отношенію къ нимъ и предоставить заботу о нихъ частной иниціативѣ. Даже въ этомъ случаѣ оно обязано обезпечить соціальный порядокъ. Но защита общества должна проявиться въ формѣ болѣе высокой и плодотворной. Она не является репрессіей, она покровительствуетъ и содѣйствуетъ. Съ этимъ мы встрѣтимся еще въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ГЛАВА IV.

ПОНЯТІЕ ОПАСНАГО СОСТОЯНІЯ ПРЕСТУПНИКА.

1. Объ опасномъ состояніи преступника вообще.

Классическая школа проходитъ мимо всѣхъ этихъ соображеній; вдохновленные ею кодексы сосредоточиваютъ свое вниманіе на очень узкой области, обращая вниманіе на употребленіе репрессивныхъ мѣръ, на важность совершеннаго дѣянія, на сознательную волю дѣятеля, но не на постоянную опасность, которую самъ по себѣ представляетъ этотъ дѣятель.

И если въ настоящее время встрѣчаются недостатки въ области репрессивнаго правосудія, если оно злоупотребляетъ краткосрочными наказаніями, снисходительно относится даже къ закоренѣлымъ преступникамъ, если судьи обнаруживаютъ наклонность приближаться къ минимуму наказаній даже по отношенію къ рецидивистамъ [1]), то это происхо-

---

[1]) *Проэктъ общаго свода уголовныхъ законовъ Норвегіи.* Мотивы. Берлинъ, 1907 г., стр. 190 и слѣд.

дитъ оттого, что они находятся подъ вліяніемъ идей уголовной вмѣняемости и вины; они констатируютъ слабыя стороны и пробѣлы этихъ понятій; они обнаруживаютъ, въ особенности у профессіональныхъ преступниковъ, наслѣдственные пороки, парализующіе моральную свободу. Чѣмъ менѣе оскудѣвшіе представляются виновными въ смыслѣ классической школы, тѣмъ болѣе пренебрегаютъ защитой общества по мѣрѣ признанія принциповъ классической школы касательно уголовной отвѣтственности.

Но главная причина наблюдаемыхъ затрудненій заключается въ слѣдующемъ: вмѣняемость и виновность представляютъ собой корень наказуемости; идея наказанія неразрывно связана съ идеей вмѣняемости и вины; неполная вмѣняемость влечетъ за собой смягченіе наказанія; полная невмѣняемость влечетъ отмѣну наказанія. Если почитать классиковъ, то можетъ показаться, что все лежащее внѣ границъ вмѣняемости и вины можетъ остаться неизвѣстнымъ уголовнымъ судьямъ, и слѣдовательно быть за предѣлами судебной защиты. Но эти положенія ошибочны.

Лѣченіе, которому нужно подвергнуть больной или неуравновѣшенный душевный міръ, интересуетъ врача. Судебная же защита, которую нужно согласовать съ цѣлой совокупностью условій, интересуетъ судебную власть.

Но это двѣ совершенно различныя, независимыя одна отъ другой, вещи. Если медицинскій авторитетъ и признаетъ разстройство умственныхъ способностей, то это еще недостаточно для того, чтобы судебная власть признала свою некомпетентность и воздержалась отъ рѣшенія дѣла.

Преступникъ сумасшедшій и безотвѣтственный такъ-же опасенъ, какъ и преступникъ отвѣчающій за свои поступки и здравомыслящій. Общество имѣетъ право защиты противъ того и другого, а эта защита не можетъ быть обезпечена вслѣдствіе того только, что уголовное правосудіе наказываетъ исключительно нормальныхъ преступниковъ, а власть административная помѣщаетъ въ учрежденія больныхъ.

Начиная съ момента когда преступникъ страдающій разстройствомъ умственныхъ способностей помѣщается въ домѣ умалишенныхъ, онъ подвѣдомственъ не юристамъ, а психіатрамъ, но они совѣщаются не о томъ моментѣ, когда ихъ больной перестаетъ быть опаснымъ, а о томъ, когда онъ пересталъ быть сумасшедшимъ; эти два момента могутъ и не совпадать [1]).

Профессоръ Балле пишетъ:

„Продолжительность лишенія свободы, когда она имѣетъ мѣсто, зависитъ отъ мнѣнія врача,

[1]) *Проэктъ общаго* и т. д. стр. 112.

который остается судьей своевременности освобожденія, какъ съ грустью указалъ на это Амбруазъ Тардье". Если бы, даже шларѣчь о тѣхъ случаяхъ помѣшательства, которые сопровождаются болѣе или менѣе полнымъ выздоровленіемъ, опасные душевнобольные могутъ быть выпущены на свободу, и общество не будетъ гарантировано отъ возврата связанныхъ съ этимъ прискорбныхъ послѣдствій [1]).

Итакъ помѣщеніе сумасшедшаго преступника въ домѣ умалишенныхъ не согласуется во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія съ защитой общества, такъ какъ продолжительность заключенія зависитъ отъ измѣнчивыхъ опредѣленій врачей, которые имѣютъ право судить единственно лишь съ точки зрѣнія психическаго состоянія индивида.

Наказаніе, опредѣляемое нормальному преступнику правомъ классической школы, не выше обыкновеннаго наказанія, постулируемаго защитой общества. Продолжительность его, часто слишкомъ незначительная, зависитъ отъ легко измѣняющихся впечатлѣній судей, которые, раздумывая надъ сущностью и цѣлью наказанія, склонны вообще приписывать ему способность перерождать и склонны вѣрить въ способность преступниковъ къ такому перерож-

[1]) *Бюллетень интернаціональной пенитенціарной комиссіи*, вып. 6, 1895 г.

денію, хотя въ дѣйствительности это оказывается только рѣдко оправдывающимся предположеніемъ.

Считать ли лишь наказаніе предназначеннымъ для того, чтобы покарать моральную вину и исправить преступника, или считать помѣщеніе въ домѣ умалишенныхъ единственно пригоднымъ для излѣченія болѣзни, бываютъ тѣмъ не менѣе обстоятельства когда нужно принять мѣры обезпечивающія безопасность и защиту общества отъ опасныхъ преступниковъ, не считаясь съ тѣмъ, нормальны или ненормальны нарушители. И точно также уже въ самомъ способѣ примѣненія мѣръ придется отличать индивидовъ, способныхъ къ исправленію или излѣченію, отъ такихъ, которыхъ нужно лишить возможности вредить обществу.

Итакъ теперь мы выдвигаемъ на первый планъ понятіе, которое прежде оставалось въ тѣни: понятіе опаснаго для общества состоянія преступника, подставляемое вмѣсто слишкомъ исключительнаго понятія воспрещенія опредѣленнаго дѣйствія [1]). Другими словами, дѣяніе учиненное можетъ быть, взятое отдѣльно, менѣе опасно, чѣмъ учинившій его дѣя-

---

[1]) Въ засѣданіи Международнаго союза криминалистовъ, происходившемъ въ Гамбургѣ 12 сент. 1905 г., я предлагалъ принять эту формулу, примѣняя ее къ нѣкоторымъ рецидивистамъ. (Бюллетень Международнаго союза криминалистовъ, т. XIII, стр. 426 и слѣд.).

тель. Наказывать такого виновника за данное нарушеніе, не принимая во вниманіе постоянныхъ свойствъ дѣятеля, можетъ быть пріемомъ совершенно иллюзорнымъ. Для выбора цѣлесообразныхъ мѣръ нужно обращать большее вниманіе на постоянное состояніе индивида, чѣмъ на совершенный поступокъ. Нужно бороться съ рутиной судовъ, которые, судя такого-то индивида за такое-то преступленіе, ограничиваются примѣненіемъ выраженной въ текстѣ кодекса юридической формулой, не принимая во вниманіе ни образа жизни, ни среды, инстинктовъ, предрасположеній, ни психической природы осужденнаго.

Нужно замѣнить точкой зрѣнія соціальной и вмѣстѣ съ тѣмъ юридической точку зрѣнія чисто юридическую. Впрочемъ сила вещей увлекаетъ насъ мало по малу въ этомъ направленіи, и позитивное законодательство начинаетъ съ нимъ считаться.

Уже въ Бельгіи мировой судья, видя передъ собой бродягу или нищаго, можетъ по закону 27 ноября 1891 года приговорить его къ семилѣтнему заключенію.

Факты праздности или прошенія милостыни взятые сами по себѣ неопасны; но опасна постоянная наклонность къ лѣни и тунеядству, и законъ смотритъ на такое длящееся состояніе какъ на отрицательную цѣнность въ смыслѣ соціальномъ.

Аналогичнымъ соображеніямъ даетъ мѣсто и алкоголизмъ: нѣтъ больше юристовъ, какъ это имѣло мѣсто иногда въ классической школѣ, защищающихъ то положеніе, что пьянство можетъ быть смягчающимъ обстоятельствомъ. Преходящее обстоятельство опьяненія исчезаетъ передъ длящимся состояніемъ алкоголизма; поступокъ, совершенный пьяницей, можетъ быть неважнымъ, но что́ важно, что́ служитъ угрозой обществу, семьѣ и личности, это самъ по себѣ алкоголизмъ, этотъ разрушитель человѣческаго организма, и законодатели обращаютъ все большее и большее вниманіе на это постоянное состояніе преступниковъ алкоголиковъ и создаютъ для нихъ спеціальныя убѣжища.

Еще рельефнѣе выступаетъ этотъ вопросъ по отношенію къ рецидиву. Теперь уже нельзя допускать, что рецидивистъ такой же обыкновенный преступникъ, прибавляющій новое преступленіе къ преступленіямъ уже наказаннымъ, котораго караютъ за его послѣднее правонарушеніе.

Рецидивистъ — это преступникъ особаго свойства; онъ ведетъ спеціальный образъ жизни и принадлежитъ къ опредѣленной категоріи; безпрерывное возвращеніе къ прежнимъ привычкамъ заставляетъ его въ извѣстный моментъ войти въ соціальную группу, которая всегда носила названіе преступной

или опасной. Она обладаетъ соціальными чертами и инстинктами, свойственными лишь ей одной и требующими особыхъ законодательныхъ мѣръ.

Эти законодательныя мѣры уже появились въ Европѣ.

Норвежскій кодексъ 22 мая 1902 года въ статьѣ 65 постановляетъ, что если преступникъ совершилъ два или нѣсколько оконченныхъ преступленій или покушеній, то судьи могутъ обратиться къ жюри съ вопросомъ, не долженъ ли виновникъ считаться особенно опаснымъ (besonders gefährlich) для всего общества въ цѣломъ или для жизни, здоровья и благосостоянія нѣкоторыхъ по свойству преступленій имъ учиненныхъ, мотивовъ ихъ направлявшихъ, а равно тенденцій ими проявляемыхъ.

Если отвѣтъ будетъ утвердительный, то осужденный можетъ быть сверхъ точно назначеннаго закономъ срока оставленъ въ тюрьмѣ на столько времени, сколько это будетъ необходимо, съ тѣмъ однако, чтобы дополнительное заключеніе не превышало 15 лѣтъ [1]).

Аналогичная реформа предпринимается и въ Англіи.

Prevention of crime act отъ 21 декабря 1908 г. содержитъ во II-ой своей части, *Deten-*

[1]) Нѣмецкій переводъ Генриха Розенфельда и Урби. Берлинъ, 1904 г.

tion of habitual criminals, статью 10, постановляющую, что если судъ признаетъ привычки и образъ жизни виновнаго преступными, то необходимо для защиты общества заключить его на болѣе или менѣе долгій срокъ, и судъ можетъ приказать, чтобы обыкновенное наказаніе уголовнымъ рабствомъ было дополнено тюремнымъ заключеніемъ отъ 5—10 лѣтъ [1]).

§ 38 предварительнаго проэкта австрійскаго уголовнаго уложенія (сентябрь 1909 г.) гласитъ: „тотъ, кто подвергся по крайней мѣрѣ двумъ уголовнымъ карамъ, въ случаяхъ, перечисленныхъ въ настоящей статьѣ, при совершеніи вновь одного изъ этихъ проступковъ до истеченія 5 лѣтъ со времени послѣдняго наказанія, послѣ новаго осужденія можетъ быть подвергнутъ дополнительному тюремному заключенію отъ 3—10 лѣтъ, если преступленіе обнаруживаетъ его *опасность* и позволяетъ думать, что онъ не воздержится отъ наказуемыхъ поступковъ".

Какъ видно, во всѣхъ трехъ случаяхъ какъ въ Норвегіи, такъ въ Англіи и въ Австріи, дополнительныя мѣры продиктованы постояннымъ опаснымъ состояніемъ преступника.

---

[1]) Prevention of crime act 1908. S. Edw. 7. Ch. 59. Eyre and Spottiswood. Ltd. London. 1908.

2. Объ опасномъ состояніи рецидивиста въ особенности.

Чтобы убѣдиться въ цѣлесообразности подобныхъ мѣръ и въ количествѣ вреда, причиненнаго условной и узкой точкой зрѣнія классической школы по вопросу о рецидивѣ, стоитъ ближе познакомиться съ общимъ положеніемъ Бельгіи и цифрами, собранными нашей уголовной статистикой.

Въ каждомъ единичномъ случаѣ вопросъ о преслѣдованіи рецидивиста, даже имѣющаго за собой многократную судимость, можетъ еще заронить сомнѣніе о причинахъ паденія даннаго лица и внушить чувство снисходительности.

Но если берутъ въ общей совокупности рѣшенія, принятыя въ данной странѣ въ теченіе извѣстнаго періода, обнаруживается связь ихъ съ соціальной средой, въ которой возникаетъ рецидивъ и обратное вліяніе ихъ на народную жизнь, и неожиданно встрѣчаются съ цифрами, открывающими глубокій недугъ и указывающими на необходимость его излѣченія.

Чтобы характеризовать направленіе репрессіи и недостатокъ соціальной защиты, я возьму томъ бельгійской статистики, опубликованной въ 1908 году и представляющей намъ дѣятельность преступниковъ и судей за 1907 годъ.

Прежде всего насъ поражаетъ тотъ фактъ, что въ продолженіе 1907 г. остались совсѣмъ необнаруженными виновники 31999 преступленій и проступковъ (преступленій 6000). Способы совершенія преступленій усложнились и усовершенствовались; въ то же время полиція, на которую возложено обнаруженіе виновныхъ, не усовершенствовалась въ той же мѣрѣ. Цѣлая армія преступниковъ ускользаетъ такимъ образомъ отъ всякой репрессіи.

Среди тѣхъ, которые не ускользаютъ отъ нея, оставимъ въ сторонѣ 170,673 взрослыхъ обвиняемыхъ, которые судились въ судахъ полиціи. Займемся только 45,457 взрослыхъ подсудимыхъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію или штрафу. Взявъ изъ нихъ только присужденныхъ къ исправительному тюремному заключенію, мы увидимъ, что исправительные суды въ 1907 году наложили въ общемъ 21,643 наказанія ниже 1 года; среди этихъ 21,643 наказаній 20,962 простираются отъ 8 дней до 6 мѣс., и около половины этихъ 20,962 наказаній недостигаетъ и 1 мѣсяца тюремнаго заключенія; и на общее число наложенныхъ уголовныхъ наказаній приходится только 1,761, продолжительность которыхъ превышаетъ 6 мѣсяцевъ. И они составляютъ исключеніе.

Но продолжительность и этихъ наказаній еще менѣе значительна, такъ какъ они от-

быты въ одиночномъ заключеніи, а въ силу закона 4 марта 1870 года, подлежащаго, правда, отмѣнѣ и единодушно осужденнаго, но еще дѣйствующаго въ данный моментъ, всѣ наказанія болѣе мѣсяца одиночнаго заключенія уменьшаются по закону, и семимѣсячное наказаніе составляетъ не болѣе 143 дней тюремнаго заключенія.

Такимъ образомъ, средняя мѣра, усвоенная исправительными судами для борьбы съ преступностью, состоитъ въ наказаніи, не превышающемъ 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, т. е. 143 дней; но она остается часто ниже этой нормы.

Нужно отмѣтить, что при преступленіяхъ наиболѣе тяжкихъ, если суды хотѣли бы быть строгими (чего они не дѣлаютъ), то и не могли бы такъ поступать. Высшее исправительное наказаніе, предусмотрѣнное уголовнымъ кодексомъ, состоитъ въ 5-лѣтнемъ тюремномъ заключеніи, уменьшенномъ по закону 1870 года до 3 л. 5 мѣс. и 10 дн.

И почему же можно утверждать, что такого рода репрессія, какія бы ни были въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ поводы къ уменьшенію наказанія, недостаточна для защиты общества? Потому, что эта смягченная репрессія уравниваетъ рецидивистовъ съ первичными преступниками.

Среди 45,457 виновниковъ преступныхъ дѣяній, осужденныхъ въ 1907 году, 22,544 не имѣютъ судебнаго прошлаго или судились только въ судахъ простой полиціи, остальные 22,913 виновныхъ уже ранѣе подвергались осужденію въ судахъ исправительныхъ.

Изученіе таблицъ, составленныхъ административными органами правосудія, намъ показываетъ, что среди этихъ 22,913 рецидивистовъ по крайней мѣрѣ 21,552 подверглись наказаніямъ начиная съ 6 мѣс. или самое меньшее 6-мѣсячнымъ. Это значитъ, что самое продолжительное тюремное наказаніе, наложенное въ 1907 году на 21,552 преступниковъ, ни разу не превышало 143 дней лишенія свободы. И при такихъ краткосрочныхъ наказаніяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что среди 21,552 рецидивистовъ фигурируютъ 1540 лицъ подвергавшихся исправительнымъ наказаніямъ нѣсколько разъ въ теченіи одного года.

Шуточный характеръ такого рода репрессіи доказывается еще и другимъ явленіемъ: безпрерывнымъ, правильнымъ возрастаніемъ легальнаго рецидива, который составляетъ впрочемъ, какъ извѣстно, только часть дѣйствительнаго рецидива или преступной привычки [1]).

---

[1]) Статистика легальнаго рецидива беретъ только индивидовъ, которые считаются рецидивистами въ силу статей 54 и слѣд. уг. код., т. е. она не принимаетъ въ разсчетъ рецидива мелкой преступности.

На 100 преступленій совершенныхъ отдѣльными лицами пропорція преступленій, совершенныхъ рецидивистами, была:

въ	1899 г.	43,5%
„	1900 „	45%
„	1901 „	46,1%
„	1902 „	46,5%
„	1903 „	48,8%
„	1964 „	49,6%
„	1905 „	49,2%
„	1906 „	49,2%
„	1907 „	49,6%

Статистика пенитенціарнаго рецидива, болѣе близкая къ истинѣ, чѣмъ статистика рецидива легальнаго, сама по себѣ неполна; она беретъ только заключенныхъ, присужденныхъ болѣе чѣмъ къ 3-мъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія [2]), (а такихъ, которые присуждены къ 3-хъ мѣсячному тюремному заключенію или ниже,—легіонъ). Но, даже оставаясь такой, какова она есть, будучи въ то же время ниже дѣйствительной, эта статистика такъ же мало успокоительна, какъ и первая; подъ датой 31 декабря 1907 г. она даетъ въ итогѣ 3287 осужденныхъ, среди которыхъ 62% или 2051 рецидивистовъ,

---

[2]) Это только заключенные, внесенные въ то, что называется вѣдомостями моральной отчетности и прежнія осужденія которыхъ могутъ быть установлены.

400 среди нихъ осуждались раньше отъ 5 до 10 разъ.

204 отъ 10 до 15 разъ.

124 осуждались отъ 15 до 20 разъ.

Парадоксально ли утверждать при этихъ условіяхъ, что рецидивъ безпрерывно поддерживается самими исправительными судами и что онъ обязанъ своимъ внушающимъ опасеніе видомъ краткосрочности назначаемыхъ наказаній?

Какъ бы то ни было, случаи возвращенія къ прежнимъ привычкамъ безчисленны, преступность обратилась въ ремесло, и тюремное заключеніе въ томъ видѣ, какъ оно функціонируетъ теперь, не мѣшаетъ занятію имъ. Вотъ очевидное и легко подающееся установленію зло. Рядомъ съ этимъ зломъ, котораго не могутъ не замѣтить самые убѣжденные оптимисты, есть другое, менѣе явное, послѣдствія котораго еще болѣе грозны.

По мысли творцовъ одиночной системы, однимъ изъ главныхъ ея преимуществъ является прекращеніе сношеній между преступниками безвозвратно потерянными и остальными или уничтоженіе злоупотребленій совмѣстной жизни. Но какое же значеніе можно приписать нашимъ роскошнымъ пенитеціарнымъ учрежденіямъ, если рецидивисты, лишенные возможности развращать заключенныхъ вмѣстѣ съ ними въ тюрьмахъ, обладаютъ всѣми сред-

ствами для развращенія своихъ товарищей на волѣ; если выходя постоянно изъ тюремныхъ камеръ на улицу, они пользуются своей свободой для соблазна менѣе устойчивыхъ элементовъ трудящагося населенія? Не являются ли наивными мелочныя предосторожности, предпринимаемыя для устраненія сношеній между заключенными въ тюрьмахъ, когда съ такимъ неблагоразуміемъ толкаютъ на сношенія въ свободной жизни.

Развѣ мы думаемъ, что профессіональные преступники въ день своего освобожденія ищутъ уединенія, сосредоточенія и жизни вдали отъ нездоровыхъ слоевъ своей соціальной среды? Нисколько. Всѣ знаютъ, что они опять идутъ къ нимъ, опять встрѣчаютъ неустойчивыхъ и нерѣшительныхъ и имѣютъ безспорное вліяніе на слабовольныхъ, неопытныхъ и предоставляемыхъ самимъ себѣ молодыхъ людей.

То и дѣло вновь выпускать рецидивистовъ въ общество—значитъ еще болѣе портить уже зараженный воздухъ, которымъ дышутъ дѣти народа, и еще болѣе расшатывать условія ихъ моральной жизни; это значитъ увеличивать для нихъ рискъ разврата и паденія.

Этотъ рискъ проявляется повсюду:

Онъ существуетъ въ глубинѣ рудниковъ, гдѣ рабочіе, трудъ которыхъ тяжелѣе труда пенитенціаріевъ, болѣе сближены другъ съ

другомъ и подвергаются самымъ неожиданнымъ вліяніямъ.

Этотъ рискъ существуетъ въ странахъ обладающихъ военнымъ флотомъ для молодыхъ матросовъ, принужденныхъ жить въ продолженіи 3-хъ лѣтъ бокъ о бокъ въ темныхъ трюмахъ и въ удушливой тѣснотѣ, неся опасную службу на миноносцахъ и подводныхъ лодкахъ.

Этотъ рискъ существуетъ и въ кабакѣ, въ мастерской, гдѣ испорченные подстерегаютъ, подбиваютъ, втягиваютъ и увлекаютъ за собой робкихъ.

Болѣе того, среди большихъ городовъ этотъ рискъ существуетъ даже у семейнаго очага!

Ассоціація улучшенія рабочихъ квартиръ свидѣтельствуетъ намъ, что въ такой столицѣ, какъ Брюссель, не считая предмѣстій есть:

6978 семействъ, занимающихъ только одну комнату;

2186 семействъ занимаютъ только мансарду;

200 семействъ живутъ въ подвалахъ;

1511 семействъ, состоящихъ болѣе чѣмъ изъ 5 человѣкъ, живутъ въ одной комнатѣ въ 2 метра длины, тогда какъ отдѣльная камера рецидивиста имѣетъ вмѣстимостью 30 куб. метровъ (4 метра длины, 2.50 метра ширины и 3 метра высоты) причемъ строго наблюдаютъ за обновленіемъ въ ней воздуха.

Анкета Комитета попечительства о рабочихъ квартирахъ обнаружила въ одной толь-

ко Брюссельской секціи, насчитывающей 904 семьи, что „въ 427 изъ этихъ семей дѣвочки и мальчики, юные и взрослые вынуждены помѣщаться въ единственной комнатѣ, которую они занимаютъ, очень часто на одной и той же постели и на близко сдвинутыхъ мѣстахъ для спанья. Эта близость вызываетъ кровосмѣсительныя сношенія и позорныя связи между братомъ и сестрой, отцомъ и дочерью, и даже матерью и сыномъ“[1]).

Вотъ гнилая атмосфера, въ которую попадаетъ освобожденный, вносящая новые ферменты разложенія въ уже отравленную почву; въ то время, какъ одиночное тюремное заключеніе на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ не можетъ принести пользы, совмѣстная жизнь съ каждой минутой вступаетъ въ свои права и становится могущественнымъ факторомъ зла. И преступленія подготовляются среди этихъ подонковъ общества. гдѣ воля не имѣетъ упругости, характеръ не обладаетъ способностью противостоять, люди искалѣчены или дегенерированы и всегда готовы отозваться на первый призывъ подстрекателя.

Опасность особенно велика въ мѣстахъ большого скопленія людей; рецидивисты проскальзываютъ туда незамѣтно; они легко пробираются въ толпы собравшіяся для увеселенія

[1]) Анкета о рабочихъ квартирахъ. Докладъ Гельмана стр. 19.

или для мятежа, и при первомъ же удобномъ случаѣ появляются на поверхность участники волненій, безпорядковъ и правонарушеній.

Но не менѣе велика эта опасность въ небольшихъ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ охрана иногда недостаточна, а иногда и совершенно отсутствуютъ; опытный преступникъ пользуется тогда безпечностью публичной власти въ отношеніи деревни.

Итакъ, общество недостаточно защищено отъ рецидивистовъ; и необходимо сказать, что если недостатокъ этой защиты разстраиваетъ жизнь всего общества, то въ особенности онъ отражается на жизни бѣдныхъ и маленькихъ людей.

Когда во Франціи, въ 1883 и въ 1884 годахъ, Вальдекъ-Руссо поддерживалъ передъ законодательными палатами законъ о ссылкѣ рецидивистовъ, то прежде всего для защиты своихъ предложеній противъ профессіональной преступности ссылался на интересы простыхъ и маленькихъ людей. Онъ говорилъ, что нужно заботиться не о судьбѣ профессіональныхъ преступниковъ, но о судьбѣ ихъ жертвъ; и нужно замѣтить, что въ борьбѣ, которую онъ началъ, онъ добился сочувствія соціалистическихъ организацій: соціалистическаго Ліонскаго союза, соціалистическаго Комитета въ С.-Етьенѣ и Ліонскаго муниципальнаго совѣта; и дѣйствительно, многіе передовые генеральные со-

вѣты настаивали вмѣстѣ съ Вальдекомъ-Руссо и по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и онъ, на ссылкѣ рецидивистовъ.

Я не высказываюсь здѣсь ни за, ни противъ ссылки рецидивистовъ, результаты которой во Франціи очень спорны; я думаю только, что была причина ссылаться для принятія мѣръ противъ рицидивистовъ на безопасность низшихъ классовъ. Если преступность часто происходитъ отъ нищеты, то почти всегда она и направляется противъ бѣдныхъ.

Иногда громкое преступленіе, совершенное противъ привиллегированныхъ классовъ поражаетъ общественное вниманіе. Но обычно преступленіе это направляется не противъ жизни иляи собственности привиллегированныхъ, которая наиболѣе охраняется. Богатые, кромѣ того, могутъ застраховаться отъ воровства. Обыкновенно, подвергаются опасности не аристократическіе кварталы, хорошо освѣщенные и оберегаемые, и не роскошные отели и финансовыя учрежденія, зорко охраняемыя и солидно построенныя. Дерутся, убиваютъ, насилуютъ, обижаютъ въ переулкахъ, въ тупикахъ и конурахъ.

Крадутъ со взломомъ или безъ взлома въ проходныхъ дворахъ, въ темныхъ квартирахъ, гдѣ двери плохо запираются, гдѣ мебель и замки не оказываютъ большого сопротивленія,

гдѣ комнаты часто пустуютъ въ продолженіи части дня.

Здѣсь та обстановка, среди которой особенно нужно упрочить защиту личности и собственности.

Уголовная статистика, изъ которой я дѣлаю выводы, доказываетъ, какъ плохо обезпечена защита общества отъ рецидивистовъ.

Существуетъ, можетъ быть, только небольшое число рецидивистовъ, борьба съ которыми оказывается плодотворной и которые не угрожаютъ непосредственно общественному порядку. Но въ общемъ они опасны, въ особенности нерѣдко тогда, когда одновременно принадлежатъ къ категоріи дефектныхъ.

3. Объ опасномъ состояніи дефектныхъ преступниковъ.

Нѣтъ необходимости настаивать на той важной роли, которую играютъ въ преступности лица дефектныя.

Суды всѣхъ странъ безпрестанно выносятъ приговоры по вопросу о примѣненіи наказаніи къ этой категоріи преступниковъ.

Для представителей классической школы этотъ вопросъ выступаетъ въ формѣ проблемы о смягченной отвѣтственности и наказуемости.

Другими словами, такъ какъ для классической школы вмѣняемость и виновность не

представляются неизмѣняемыми, она пытается соразмѣрить наказаніе съ вмѣняемостью и виновностью.

Но такой разсчетъ невозможенъ.

Онъ ставитъ судью въ затруднительное положеніе, какъ Порція Шейлока, точно опредѣляя ему кусокъ мяса, который онъ имѣетъ право требовать отъ Антонія.

Къ тому же здѣсь обнаруживается противорѣчіе въ томъ, что, съ одной стороны, судей обязываютъ гарантировать общественную безопасность, а, съ другой, основывать свой приговоръ на личной отвѣтственности дефектнаго, тогда какъ эти два принципа сталкиваются.

Въ дѣйствительности, если дефектный, менѣе отвѣтственный, вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вреденъ, то уменьшенная кара не обезпечиваетъ общественнаго порядка.

И такъ какъ дефектный невоспріимчивъ къ вліянію исправительнаго наказанія, то самая низшая кара можетъ быть по отношенію къ нему безполезной жестокостью, оскорбляющей чувство гуманности.

Положеніе разсматривается такимъ образомъ съ неправильной точки зрѣнія. По отношенію къ дефектному преступнику не слѣдуетъ принимать меньшихъ мѣръ защиты, чѣмъ относительно нормальнаго.

Нормальные совершаютъ въ извѣстные моменты поступки, угрожающіе общественному

порядку, но послѣ этого возвращаются на правильный путь; дефектные остаются ненормальными; они постоянно находятся въ состояніи опасномъ для ихъ непосредственной среды и для общества.

Балле, высказываясь о дефектныхъ на 17-омъ Неврологическомъ конгрессѣ въ Женевѣ въ 1907 г., замѣтилъ, что „отысканіе уменьшающихъ вину причинъ въ ихъ низкомъ умственномъ развитіи является дѣйствительной опасностью, и не оправдывается ни чувствомъ справедливости, ни мѣрой общественной защиты“.

Спеціалисты дѣлаютъ массу подраздѣленій между дефектными; мы слышимъ о нервныхъ, невропатахъ, истерикахъ, эпилептикахъ, неуравновѣшенныхъ, дегенератахъ, алкоголикахъ, оскудѣвшихъ, слабоумныхъ, идіотахъ, не считая еще названій болѣе техническихъ и спеціальныхъ.

Мы можемъ всѣ эти разновидности отнести къ общему явленію умственнаго и нравственнаго несовершенства. Изслѣдуя законы развитія мышленія и условія психическаго образованія индивида, мы у многихъ не умалишенныхъ констатируемъ умственные и нравственные недостатки, которыхъ ничто не можетъ исправить. Это люди слабые умомъ и волей. Англичане ихъ называютъ „Feeble Minded“, нѣмцы „Minderwertigen“ фламандцы „Minderwaardigen“.

И такъ какъ это вопросъ уголовнаго права, а не психіатріи, то эти названія дефектныхъ или недостаточно развитыхъ умственно и нравственно вполнѣ кажется отвѣчаютъ потребностямъ правосудія. Они достаточно характеризуютъ людей, которые никогда не достигнутъ общаго средняго уровня окружающихъ и представляютъ всегда совокупность пороковъ, разстраивающихъ психическую дѣятельность.

Существа низшія по своей умственной и нравственной организаціи съ психологической точки зрѣнія характеризуются разстройствомъ чувствъ и поврежденіемъ нервныхъ центровъ; съ точки зрѣнія моральной импульсивности, отсутствіемъ контроля надъ самими собою. Ихъ опасное состояніе происходитъ оттого, что на нихъ не имѣютъ вліянія мотивы, вліяющіе на насъ. Ихъ способность разсуждать и судить настолько понижена, что нормы общественной жизни не имѣютъ для нихъ никакого значенія; ихъ способность желать такъ поколеблена, что предоставленные самимъ себѣ они неспособны къ нормальному образу жизни.

По отношенію къ взрослымъ здѣсь возникаетъ такое же преобразованіе идей, которое произошло въ отношеніи къ малолѣтнимъ.

Классическая школа считаетъ несовершеннолѣтнихъ преступниковъ наказуемыми, но въ

меньшей степени чѣмъ взрослыхъ, такъ какъ они менѣе отвѣтственны. И имъ назначаютъ наказаніе, но наказаніе смягченное, и возвращаютъ ихъ въ общество еще менѣе способными къ пріисканію себѣ положенія, чѣмъ до тюрьмы.

Дѣйствительно ихъ считаютъ находящимися въ длительно состояніи недоразвитія или недостаточности, опасномъ для нихъ самихъ и для другихъ; и ихъ защищаютъ отъ опасности не назначеніемъ краткосрочнаго наказанія, но примѣненіемъ постояннаго режима присмотра и воспитанія, который всѣми признается пригоднымъ.

Взрослые преступники, умственно и нравственно не развитые, остались дѣтьми, и съ ними нужно поступать, какъ съ дѣтьми.

Иногда они бываютъ въ состояніи нѣсколько приспособиться къ низшей средѣ и нужно попытаться доставить ее имъ, какъ доставляютъ ее дѣтямъ.

Иногда тяготѣющая надъ ними наслѣдственность, тлетворныя наслоенія и нездоровыя привычки среды, въ которой они выросли, сообщаютъ ихъ характеру рѣзкій отпечатокъ. Иногда остановка развитія была слишкомъ значительна, чтобы оставить мѣсто надеждѣ. Понятія опаснаго состоянія и защиты общества выступаютъ тогда еще большей ясностью, и инстинктивно начинаютъ понимать, что

необходимость лишить преступника возможности вредить самому себѣ и другимъ перевѣшиваетъ всякія другія соображенія.

Эта идея также уже нашла себѣ признаніе въ текстѣ положительнаго законодательства. Норвежскій уголовный кодексъ въ статьѣ 65 допускаетъ, что преступники, виновные въ двухъ или нѣсколькихъ преступленіяхъ, могутъ считаться опасными и подвергаться спеціальнымъ мѣрамъ безопасности, а въ статьѣ 39 признаетъ, что преступники дефектные могутъ быть объявлены *опасными*. И употребленіемъ такихъ словъ для обозначенія этой категоріи преступниковъ норвежскій законъ составляетъ эпоху въ уголовномъ правѣ.

По статьѣ 39, когда судъ или жюри признаютъ, что обвиняемый *опасенъ для общественнаго спокойствія* въ силу своей невмѣняемости или неполной вмѣняемости, они могутъ приговорить его къ помѣщенію въ убѣжище или въ домъ спеціальнаго леченія или воспитательнаго типа (Irren Asil или Heil oder Pflegeanstalt) или въ работный домъ до тѣхъ поръ пока правительство сочтетъ это необходимымъ.

Предварительнымъ [1]) проэктъ Австрійскаго уголовнаго уложенія слѣдуетъ тѣмъ же самымъ принципамъ: онъ постановляетъ, что виновникъ преступленія или проступка, приго-

воренный болѣе чѣмъ къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, причемъ способность его понимать или желать свой поступокъ была въ моментъ совершенія явно понижена продолжительнымъ болѣзненнымъ состояніемъ, можетъ по истеченіи срока наказанія быть оставленъ на неопредѣленное время, если въ силу своего состоянія, образа жизни и свойства своего поступка можетъ считаться *опаснымъ* (§ 37 предварительнаго проэкта) [2]).

---

[1]) Нѣмецкій переводъ Генриха Розенфельда и Урби. Берлинъ, 1904 г.

[2]) Предварительный проэктъ Австр. уг. ул. Вѣна, 1909.

ГЛАВА V.

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ.

Противъ упрековъ, дѣлаемыхъ классической школѣ, и противъ новой доктрины опаснаго состоянія преступника выставляются соображенія, которыя заслуживаютъ того, чтобы ими заняться.

Говорятъ, что судьи довольствуются примѣненіемъ къ нѣкоторымъ рецидивистамъ кратковременныхъ наказаній, такъ какъ преступленія ихъ неважны, и они считаютъ виновниковъ ихъ скорѣе лицами неспособными подчиняться, чѣмъ преступниками.

Говорятъ также, что когда дѣянія и важны, правосудіе не рѣшается строго карать именно потому, что оно угадываетъ въ причинѣ проступковъ и преступленій біологическое, физіологическое, интеллектуальное, моральное и соціальное оскудѣніе людей дефектныхъ. Передъ неясными и неопредѣленными причинами преступности правосудіе хочетъ примирить сердце и разсудокъ; оно понимаетъ, что нельзя строго карать, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и

оправдать; тогда оно наказываетъ на половину.

Говорятъ, наконецъ, что, предлагая судьямъ принимать во вниманіе вмѣсто тяжести инкриминируемаго дѣянія опасное состояніе его виновника, жертвуютъ завоеваніями современнаго публичнаго права, такъ какъ опасное состояніе гражданина не составляетъ одного изъ тѣхъ точныхъ, конкретныхъ, опредѣленныхъ во времени понятій, которыя не допускаютъ различныхъ мнѣній. Оно зависитъ отъ субъективной оцѣнки каждаго изъ насъ; оно ведетъ къ произволу неопредѣленнаго приговора; оно заставляетъ насъ вернуться къ произволу стараго режима и подвергаетъ опасности индивидуальную свободу.

Необходимо показать значеніе всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія.

1. Опасное состояніе и мелкая преступность.

Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣдовательный рядъ осужденій за незначительные проступки свидѣтельствуетъ часто о такихъ нарушеніяхъ, при которыхъ нелѣпо говорить объ общественной опасности и, слѣдовательно, безполезно и излишне присуждать къ продолжительному тюремному заключенію. Совершенно достаточно и болѣе мягкихъ наказаній; мало того, не слѣдуетъ ли соеди-

нять съ краткосрочными наказаніями извѣстный родъ комфорта и роскоши и вносить филантропическія начала въ характеръ отбыванія такого рода наказаній.

Но это далеко не всегда такъ; и неправильно думать, что элементы такого зачатка преступности могутъ всегда считаться безконечно малыми, могущими быть оставленными безъ вниманія. Касательно этого рода преступности наступаетъ моментъ, когда масса мелкихъ преступниковъ привлекаетъ вниманіе и когда они, въ свою очередь, вступаютъ въ среду классовъ опасныхъ. Это сознано было уже въ 16-омъ вѣкѣ, когда въ Лондонѣ, Нюренбергѣ и Мюнхенѣ помѣщали въ смирительные или работные дома нищихъ, бродягъ, проститутокъ, воровъ и тѣхъ, о комъ вообще можно сказать, что они предаются лѣни и безчестной жизни [1]). Цѣлью помѣщенія было воспрепятствовать имъ наносить вредъ однимъ и увлекать другихъ. *Wo er niemand mehr beschweren noch andere verführen kann* [2]).

И дѣйствительно, нетрудно понять, что, не предвидя во́ время опасности, грозящей отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ новичковъ преступности, способствовали тѣмъ ихъ окончательному паденію. Повтореніе невысокихъ наказаній не мѣшало начинающимъ ни продолжать своихъ

[1]) *Кроне.* Учебникъ тюрьмовѣдѣнія. Штутгартъ, стр. 15 и слѣд.

[2]) Баварскій приказъ 4 іюня 1682 г.

похожденій, ни вербовать себѣ товарищей; организація усиливаетъ ихъ дерзость, и они кончаютъ совершеніемъ тяжкихъ преступленій, соединившись въ преступныя сообщества.

Старому режиму извѣстны шайки разбойниковъ, и еще въ концѣ 18-го вѣка бродяги вызвали суровое законодательство Конституанты.

Эти шайки возрождаются на нашихъ глазахъ. Ассоціаціи преступниковъ, которыя во Франціи подъ именемъ апашей, у насъ въ Бельгіи подъ названіемъ черныхъ бандъ и другими именами безспокоятъ поселянъ и горожанъ, составляются изъ рецидивистовъ и оперируютъ съ все возрастающей дерзостью. Шайки эти не боятся ни сельской полиціи, слишкомъ малочисленной, чтобы имъ препятствовать, ни свидѣтелей своихъ подвиговъ, слишкомъ запуганныхъ, чтобы осмѣлиться показывать правду, ни тюремнаго заключенія, слишкомъ кратковременнаго, чтобы служить серьезной защитой личности и собственности. Участники такихъ шаекъ вообще рано вступаютъ на дурную дорогу. Цифры и здѣсь очень краснорѣчивы; я нахожу ихъ въ дѣлахъ осужденныхъ преступниковъ, которыя беру подъ датой 28 декабря 1905 г. въ центральной Лувенской тюрьмѣ.

Подъ этой датой цифра заключенныхъ въ этомъ учрежденіи равна 555 осужденнымъ,

изъ которыхъ 330 дѣйствовали въ одиночку безъ чьей бы то ни было помощи и 225 группами.

Среди 330 индивидуально дѣйствовавшихъ преступниковъ 225 или болѣе $^2/_3$ рецидивисты. Они подвергались уже безчисленное количество разъ исправительнымъ и уголовнымъ наказаніямъ.

89 изъ нихъ подвергались 5 или болѣе чѣмъ пяти осужденіямъ.

35—10 осужденіямъ и болѣе.

7—было осуждено болѣе 20 разъ.

225 совиновниковъ или соучастниковъ виновны въ убійствахъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, отравленіяхъ, изнасилованіяхъ, поджогахъ, смертоубійствахъ, вооруженныхъ кражахъ и кражахъ, совершенныхъ при другихъ, увеличивающихъ вину обстоятельствахъ.

Цифра 225 совиновниковъ или соучастниковъ—минимальна, ибо помимо тѣхъ, которые работали вмѣстѣ съ товарищами по заключенію, находящимися къ 28 декабря 1905 г. въ центральной тюрьмѣ, есть заключенные, дѣйствовавшіе съ товарищами, уѣхавшими изъ Лувена, потому ли, что они отбыли наказаніе, или были переведены въ другія тюрьмы.

Такихъ оказывается 125. Прибавивъ это число къ 225, которые имѣются въ Лувенѣ, мы получимъ 350 соединенныхъ въ ассоціаціи индивидовъ.

Этотъ итогъ остается все же ниже дѣйствительнаго. Изъ ознакомленія съ дѣлами заключенныхъ видно, что въ 20 случаяхъ правосудіе не установило всѣхъ сообщниковъ, и виновные этой категоріи, оставшись нерозысканными, сумѣли скрыться отъ преслѣдованія.

Во всякомъ случаѣ къ 28 декабря 1905 г. въ Лувенской центральной тюрьмѣ содержалось 330 преступниковъ, совершавшихъ преступленія въ одиночку, а цифра 350 представляла тѣхъ, которые безъ сомнѣнія соединили свои силы для причиненія зла.

И эти 350 заключенныхъ представляютъ настоящія шайки разбойниковъ, гдѣ фигурируютъ, смотря по преступленіямъ, отъ 5 до 8 пособниковъ и гдѣ встрѣчается даже ассоціація, состоящая изъ 14-ти воровъ.

Обыкновенно это профессіоналы, подвергшіеся въ прошломъ многочисленнымъ исправительнымъ наказаніямъ за побои, простыя кражи, насильственное сопротивленіе властямъ, обиды, мошенничества. Поучительно привести нѣсколько примѣровъ повторной преступности въ сопоставленіи съ возрастомъ виновныхъ.

Осужденный 31 года (дѣло 6271) подвергался 14 исправительнымъ наказаніямъ. Осужденный 25 лѣтъ (дѣло 7750) подвергался 9 исправительнымъ наказаніямъ. Другой 35 лѣтъ (дѣло 7751) 26.

Осужденный 24 лѣтъ подвергался 12 (дѣло 7820).

Осужденный 25 лѣтъ,—22 (дѣло 7800).

Въ шайкѣ изъ 14 воровъ, о которой я говорилъ, самому старшему въ группѣ 45 л. и въ прошломъ у него 8 осужденій, младшему 19 лѣтъ и за нимъ числится 3 осужденія. Другому 34 года и у него 16 осужденій. Еще другому 21 годъ и 11 осужденій (дѣло 6615).

Дѣло 7808-ое даетъ свѣдѣнія о молодомъ рецидивистѣ 26 лѣтъ со справкой о 22 осужденіяхъ; дѣло 8079-ое относится къ заключенному 38 лѣтъ, который въ прошломъ судился 24 раза.

Это перечисленіе можетъ быть продолжено до безконечности. Но и такъ оно представляетъ неоспоримое доказательство недѣйствительности дѣйствующей системы.

Ясно, что нѣкоторые профессіональные преступники, попавшіе въ зубчатыя колеса безчестной жизни, начавшіе съ легкихъ преступленій, быстро и совсѣмъ еще молодыми сдѣлались настоящими преступниками, втянутыми навсегда въ общество злодѣевъ.

Наивно вѣрить, что, заставляя ихъ пробыть немного времени въ тюремной кельѣ, даютъ этимъ общественному порядку достаточныя гарантіи безопасности.

2. Опасное состояніе и дефектные преступники.

Рядомъ съ снисхожденіемъ къ преступникамъ по незначительности причиненнаго матеріальнаго ущерба, наблюдается и снисхожденіе, мотивы котораго основаны на умственныхъ и нравственныхъ несовершенствахъ виновниковъ преступныхъ дѣяній.

Это пониженіе наказанія можетъ обнаружиться у всякихъ преступниковъ, идетъ ли дѣло о начинающихъ или о рецидивистахъ, о преступникахъ, совершившихъ неважные поступки или о грозныхъ бандитахъ, совершающихъ преступленіе при необыкновенныхъ и ужасныхъ условіяхъ, поражающихъ воображеніе.

Правда, что снисхожденіе, которымъ пользуются дефектные преступники, происходитъ отъ нерѣшительности судей, сомнѣвающихся въ томъ, какую линію поведенія принять имъ по отношенію къ ненормальности, которая не является въ то же время душевной болѣзнью.

Но въ большинствѣ случаевъ сомнѣнія и колебанія пагубны.

Когда дѣло идетъ о важныхъ преступникахъ дегенератахъ, ясно, что правосудіе, прибѣгая къ компромиссу въ опредѣленіи размѣра наказанія, не сознаетъ своей отвѣтственности и причиняетъ больше зла, чѣмъ добра.

Но даже когда дѣло идетъ о болѣе безопасныхъ дефектныхъ преступникахъ, и предполагая далѣе, что они способны внушить сочувствіе, и тогда рѣшеніе, присуждающее къ краткосрочному тюремному заключенію, можетъ быть противорѣчитъ требованіямъ разума, не удовлетворяя въ то же время и требованіямъ сердца.

Дефектные преступники, выпускаемые на свободу, не возвращаются къ счастливому и легкому существованію, гдѣ нѣжныя заботы защищаютъ ихъ отъ испытанія. Со своими свойствами, пороками и слабостями они обречены на нищету и постепенное паденіе.

Чѣмъ болѣе они ненормальны, тѣмъ болѣе неразумно умножать для нихъ конфликты съ жизнью, заботы и шансы ихъ паденія, учащая ихъ постоянные переходы отъ тюрьмы къ свободѣ.

Однако, нужно попытаться узнать, не происходитъ ли затруднительное положеніе и сомнѣнія судей отъ недостатковъ нашего уголовнаго законодательства и нашихъ пенитенціарныхъ учрежденій. Судьи могутъ выбирать только между уголовной отвѣтственностью преступника (будетъ ли она полной или неполной) и безотвѣтственностью сумасшедшаго,— между наказаніемъ и помѣщеніемъ въ домъ умалишенныхъ, между тюрьмой и убѣжищемъ.

Законъ не говоритъ о преступникахъ отсталыхъ въ умственномъ отношеніи и дефектныхъ и для нихъ нѣтъ соотвѣтствующихъ учрежденій. Начатки уголовнаго права, построеннаго на принципѣ защиты общества и понятіи опаснаго состоянія постулируютъ исправленіе такихъ недостатковъ. Это уголовное право не характеризуется безполезной жестокостью по отношенію къ дефектнымъ. Оно ограничивается требованіемъ необходимости спеціальныхъ учрежденій, не отражающихъ въ себѣ ни идеи наказанія въ смыслѣ классической школы, ни помѣщенія въ домъ умалишенныхъ администраціей.

До тѣхъ поръ, пока правосудіе знало только состояніе полнаго умственнаго здоровья и полнаго безумія, абсолютную отвѣтственность или абсолютную безотвѣтственность, репрессивная система, которой Соединенные Штаты обязаны пуританамъ и которую Европа оттуда заимствовала, представлялась самой лучшей. Когда думаютъ, что пенитенціарный режимъ имѣетъ сильное и глубокое вліяніе на моралізацію преступника, то естественно приходятъ къ убѣжденію, что нужно не растягивать, но сгущать наказаніе и приходятъ къ келейному режиму съ пониженными наказаніями.

Но если прогрессъ психологіи показалъ намъ множество степене й и оттѣнковъ тамъ

гдѣ мы привыкли различать только два крайнихъ предѣла, если мы должны признать существованіе преступниковъ неспособныхъ къ преобразованію своего характера, то обязаны также допустить, что нужно иногда ограничиться охраной индивида, въ видахъ защиты его отъ самого себя и предохраненія общества. Цѣлью становится тогда не сокращеніе, а продолженія лишенія свободы, соединенное со стараніемъ причинять возможно меньше страданія тѣмъ, которые ему подвергаются.

Разсматриваемый нами вопросъ представляется не принципіальнымъ, но вопросомъ техники. Дѣло не въ томъ, имѣетъ ли дефектный право на снисходительность судей, но въ томъ, нуждаются ли они въ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ ихъ спеціальнымъ свойствамъ.

Сохраненіе настоящаго положенія вещей (тюрьмы и дома умалишенныхъ) невозможно:

Общество недостаточно защищено, когда не вполнѣ нормальный преступникъ присужденъ къ заключенію въ тюрьмѣ на срокъ, произвольно опредѣленный статьей уголовнаго кодекса, который совершенно не принимаетъ въ разсчетъ психическаго состоянія осужденнаго.

Общество недостаточно защищено, когда дефектный помѣщается въ домѣ умалишенныхъ, потому что въ дѣйствительности онъ

не умалишенный; и психіатры, не всегда согласные между собой по вопросу о наличности умственнаго разстройства, могутъ объявить данное лицо выздоровѣвшимъ въ качествѣ умалишеннаго, когда оно опасно еще, какъ преступникъ, не повинующійся законамъ. Врачъ можетъ заставить его выйти изъ убѣжища такъ же произвольно, какъ юристъ заставляетъ его выйти изъ тюрьмы.

Впрочемъ въ этомъ отношеніи нельзя бросить упрека психіатрамъ; они занимаются медициной, и на нихъ не возложена юридическая защита. Одной судебной власти выпала на долю эта миссія.

Итакъ для подобныхъ случаевъ нужно создать новый режимъ, т. е. дома предупрежденія и охраны, которые не были бы убѣжищами для умалишенныхъ, но не имѣли бы ничего общаго и съ тюремной кельей, которую предлагаетъ пенитенціарная наука 19-го вѣка.

Тамъ не будутъ жалѣть ни воздуха, ни мѣста; дисциплина будетъ болѣе гибкой и разнообразной; свобода передвиженія болѣе широкой; физическія упражненія, гигіеническій и медицинскій уходъ болѣе тщательными.

Тамъ рядомъ съ административнымъ управленіемъ будетъ существовать безпрерывный психіатрическій надзоръ. Въ то время какъ въ тюрьмѣ врачи психіатры дѣлаютъ мимолет-

ные визиты, въ этихъ учрежденіяхъ услуги психіатровъ будутъ постоянными.

Нужны будутъ наравнѣ съ надзирателями, гарантирующими, какъ въ тюрьмахъ, правильный ходъ порядка учрежденій, надзиратели, обладающіе психіатрическими свѣдѣніями и снабженные дипломами, удостовѣряющими ихъ спеціальныя способности, которыхъ требуетъ ихъ служба.

Дома этого рода могутъ быть различными, они могутъ имѣть различныя отдѣленія, предназначенныя для истеричныхъ, эпилептиковъ, алкоголиковъ, дегенератовъ, такъ какъ уходъ нужно разнообразить, смотря по свойствамъ этихъ группъ.

Но важнѣе всего отмѣтить то, что дома предупрежденія, со всѣми ихъ особенностями, включая область психическаго и психіатрическаго наблюденія и потребнаго персонала, будутъ находиться подъ контролемъ и исключительнымъ управленіемъ власти судебной и административной.

Одна эта власть облечена заботой о поддержаніи порядка. Она одна за него отвѣчаетъ; и ей одной принадлежитъ право, окружая себя всѣми нужными свѣдѣніями, включая сюда и медицинскія и собирая необходимыя справки, въ томъ числѣ и медицинскія, рѣшать, надлежитъ ли оставить преступника въ учрежденіи, или освободить.

Практическія реформы, вызываемыя убѣжденіемъ, что дефектные и опасные преступники требуютъ особаго режима, начинаютъ входить и въ положительное законодательство.

Вышеупомянутое Норвежское уголовное уложеніе въ статьѣ 39 постановляетъ, что осужденный, признанный опаснымъ, можетъ быть помѣщенъ правительствомъ въ учрежденіе воспитательнаго типа (*Ptlege Anstalt*), или работный домъ.

Спеціальный норвежскій законъ 31 мая 1900 г. объ алкоголикахъ постановляетъ, что правительство можетъ заставить помѣстить преступника не въ тюрьму, но въ работный домъ или въ лѣчебницу (*Heil Anstalt*) на срокъ не свыше 3-хъ лѣтъ.

Предварительный проэктъ новаго Швейцарскаго уголовнаго уложенія [1]) постановляетъ въ статьяхъ 31, 32 и 33, что профессіональные преступники или предавшіеся разврату, лѣни и алкоголизму нуждаются въ *спеціальномъ режимѣ*, и что можно, вмѣсто присужденія къ тюрьмѣ, помѣщать ихъ въ учрежденія, *спеціально приспособленныя къ ихъ состоянію* или въ пріюты для пьяницъ.

Въ силу этихъ идей Англія, Соединенные Штаты, Новый Южный Валисъ въ Австраліи и Новая Зеландія одинаково признали безполезность краткосрочнаго пребыванія преступ-

[1]) Предварительный проэктъ, Берлинъ 1909 г.

никовъ алкоголиковъ въ тюрьмахъ и учредили подъ именемъ *State Inebriates Reformatories* спеціальные пріюты для алкоголиковъ.

Что въ области пенитенціарныхъ учрежденій происходятъ существенно важныя измѣненія, въ которыхъ Бельгія не участвуетъ, доказывается еще и тѣмъ, что Англія уже съ 1898 года создала новый режимъ для первичныхъ преступниковъ, непохожій на режимъ для рецидивистовъ; Англія подтвердила притомъ это различіе въ Prevention of Crime act 1908 года. Съ другой стороны, въ Соединенныхъ Штатахъ, Трансваалѣ, Австраліи принятіе института неопредѣленныхъ приговоровъ, о которыхъ я скажу нѣсколько ниже, ведетъ также къ видоизмѣненію внутренняго режима учрежденій, предназначенныхъ для продолжительнаго заключенія.

Эти измѣненія, удаляющія насъ отъ келейнаго режима, должны привлечь наше вниманіе; они служатъ отраженіемъ преобразованія идей и обусловлены болѣе яснымъ пониманіемъ важности и устойчивости нѣкоторыхъ психическихъ пороковъ.

3. О произволѣ при оцѣнкѣ опаснаго состоянія.

Я пришелъ къ самому вѣскому изъ возраженій, которое дѣлаютъ понятію опаснаго состоянія.

Это возраженіе направляется противъ всей проблемы въ ея цѣломъ и сводится къ тому, что возникаютъ опасенія за свободу индивида, если принять во вниманіе то широкое распространеніе, которое можно придать на практикѣ понятію опаснаго состоянія.

Однако странно было бы утверждать, что вводя въ уголовное право выраженіе опасное состояніе, хотятъ царство законности замѣнить царствомъ произвола; еще болѣе рискованно было бы утверждать, что все ясно, когда придерживаются критерія отвѣтственности преступника въ смыслѣ классической школы, и все становится сомнительнымъ, когда обращаются въ сторону опасности, имъ представляемой.

Между этими двумя системами существуетъ основательное различіе.

Сводя репрессивное правосудіе къ идеѣ наказанія, узаконеннаго отвѣтственностью осужденнаго, передаютъ право наказанія и поддержанія порядка приговору медицинской науки, которую заставляетъ выйти изъ своей роли.

Обращаясь къ принципу защиты общества и принимая понятіе опаснаго состоянія преступника, мы оставляемъ юристамъ ихъ традиціонную миссію охранителей общественной безопасности.

Скажемъ ли мы, однако, что мы избѣгаемъ этимъ путемъ возможности произвола? Ни-

сколько. Никто не отрицаетъ, что могутъ быть нанесены несправедливые удары личнымъ правамъ, что можно неправильно признать состояніе опаснымъ. Возможность ошибки присуща человѣческому правосудію, и вся система, дающая людямъ право судить другихъ людей, содержитъ въ себѣ долю приблизительности.

Всѣ предосторожности, выдвигаемыя положительнымъ законодательствомъ, не могутъ помѣшать возможности злоупотребленій. Объявленіе факта умопомѣшательства или выздоровленія умалишеннаго не даетъ абсолютной увѣренности, что это такъ. Оцѣнка психіатра не безспорна, и ошибка не менѣе важна, когда мѣсто неправильнаго удержанія носитъ названіе пріюта и не именуется тюрьмой, работнымъ домомъ или предохранительнымъ учрежденіемъ.

Точно также судебное рѣшеніе всегда будетъ представлять собой только презумпцію истины. Что такое въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе гражданскаго судьи объ ограниченіи правъ распоряженія имуществомъ совершеннолѣтняго или рѣшеніе уголовнаго судьи о степени разумѣнія малолѣтняго; что такое постановленіе слѣдственнаго судьи о предварительномъ задержаніи или приговоръ, грозящій наказаніемъ? Развѣ судья не можетъ ошибиться въ этихъ случаяхъ? То же самое можно предположить по поводу признанія опаснаго сссстоянія преступника и ошибочно подвергнуть его продол-

жительному заключенію. Но нужно ли увеличивать гарантіи, о которыхъ мы скажемъ ниже, чтобъ избѣжать возможности такихъ случайностей.

Но необходимо доказать, что индивидуальная свобода не болѣе страдаетъ отъ признанія принципа опаснаго состоянія, чѣмъ отъ тенденцій классической школы, и что среди всѣхъ судебныхъ рѣшеній ни одно не вызываетъ большаго сомнѣнія, чѣмъ рѣшеніе констатирующее степень отвѣтственности виновнаго.

И новѣйшія законодательства совершенно правильно пытаются избѣгнуть трудностей этой оцѣнки.

Я только мимоходомъ сошлюсь на фактъ довольно странный, что наши судьи, всегда погруженные въ изслѣдованіе уголовной отвѣтственности, не находятъ въ Уложеніи нашемъ слова: отвѣтственность.

Но интересно отмѣтить, что главнѣйшіе новые кодексы также, и съ намѣреніемъ, избѣгаютъ употребленія терминовъ „отвѣтственность“ или „безотвѣтственность“.

Ограничиваются указаніемъ на то, что виновникъ *наказуемъ* или *ненаказуемъ*; право налагать наказаніе зависитъ оттого, въ какой мѣрѣ преступникъ, вслѣдствіе своего психическаго состоянія, могъ сознавать характеръ своего поступка или управлять своей волей. Подобныя же формулы фигурируютъ въ

законахъ кантоновъ Берна и Цюриха и въ проэктахъ, выработанныхъ въ Россіи и Австріи [1]).

Статья 44 Норвежскаго уголовнаго уложенія постановляетъ:

„Поступокъ ненаказуемъ, если въ моментъ совершенія его виновный вслѣдствіе остановки развитія или ослабленія его умственныхъ способностей не въ состояніи былъ понимать свойства и преступности своего поступка, и вслѣдствіе одной изъ этихъ причинъ или принужденія, опасности или особаго душевнаго состоянія, не владѣлъ собою".

Уголовный законъ кантона Базель говоритъ:

„Поступокъ ненаказуемъ, если, въ моментъ его совершенія, виновный не владѣлъ своей волей или силой сужденія, необходимой для сознанія преступности поступка".

Конечно, это—прогрессъ, и въ статьяхъ этихъ судьи находятъ нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ въ смутномъ указаніи, что виноваый долженъ быть отвѣтственъ. Но нѣтъ ли и здѣсь чего то такого, о чемъ еще предстоитъ только сдѣлать заключеніе.

Если предоставляютъ судьямъ полномочіе оцѣнивать степень развитія интеллектуальныхъ способностей преступника или опредѣлять напряженность силы его сужденія, анализировать особенное состояніе его души, его

[1]) См. текстъ проэкта общаго уголовнаго уложенія въ Норвегіи. Берлинъ. 1907. стр. 108.

способность сознавать незаконность своего поступка или силу власти его надъ самимъ собою, то не больше ли основаній признать за ними, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, право опредѣлять опасное состояніе обвиняемаго?

Внѣшніе признаки его болѣе очевидны: прежде всего ихъ находятъ въ протоколахъ экспертовъ, обнаруживающихъ черты и наклонности, которыя до настоящаго времени служили только для распознаванія состоянія вмѣняемости; признаки опаснаго состоянія обнаруживаются также предыдущими поступками и справкой о прежней жизни обвиняемаго, мотивами и способомъ совершенія поступка, средой и жизненными привычками виновнаго.

Преимущество системы, принимающей во вниманіе продолжительное состояніе индивида, а не отвѣтственность за преходящее дѣйствіе, состоитъ именно въ предоставленіи судьямъ компаса для тѣхъ случаевъ, когда въ густомъ туманѣ современныхъ контроверзъ, относящихся къ вмѣняемости полной или частичной, преступность теряетъ свои ясныя и опредѣленныя очертанія.

Въ признаніи опаснаго состоянія есть еще одно достоинство: оно позволяетъ намъ, отбросивъ сбивчивыя философскія разсужденія, заняться дѣйствительными мѣрами защиты вмѣсто того, чтобы налагать наказанія, ставшія

безполезными въ виду того, что они вызваны ложными и противорѣчивыми идеями.

Намъ остается разсмотрѣть практическую сторону вопроса и признаки опаснаго состоянія, встрѣчающіеся у трехъ классовъ, на которые дѣлятся преступники: у нормальныхъ, дефектныхъ и душевно больныхъ преступниковъ.

1. *Нормальные.* — Предположеніе опаснаго состоянія будетъ рѣдкимъ явленіемъ у нормальныхъ первичныхъ преступниковъ.

Оно не встрѣчается въ преступленіяхъ, представляющихся порывомъ чувства, въ преступленіяхъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ страсти, сводящей честнаго человѣка съ прямого пути, но дающей возможность ему скоро вернуться къ его постоянному состоянію.

Опасное состояніе не встрѣчается также въ преступленіяхъ, совершенныхъ вслѣдствіе нищеты, возвратъ которой могутъ предупредить общественная благотворительность и патронатъ.

Не существуетъ оно и тогда, когда дѣло идетъ о легкихъ единичныхъ проступкахъ, не нарушающихъ глубоко общественнаго порядка и свидѣтельствующихъ скорѣе о недостаткѣ выдержки и прямодущія, чѣмъ объ извращенной и испорченной натурѣ.

И если въ этихъ случаяхъ оно встрѣчается, т. е. если поведеніе и поступки обнаруживаютъ

злые, жестокіе или извращенные инстинкты, то положительныя законодательства обладаютъ обыкновенно достаточными репрессивными средствами, и судьи могутъ къ нимъ прибѣгнуть.

Опасное состояніе вѣроятно иногда у рецидивистовъ даже нормальныхъ, и мы видѣли, что вслѣдствіе него рецидивъ и опасенъ; оно заставляетъ преступника войти въ ряды преступныхъ классовъ и требуетъ болѣе серьезныхъ мѣръ защиты, законности которой не замѣтили многіе кодексы. Мы замѣчаемъ также новую тенденцію подчеркивать значеніе рецидива, его репрессію и придавать исключительный характеръ его наказуемости. Во Франціи примѣняется вѣчная ссылка. Англійскій законъ 1908 г., Голландское и Норвежское уголовное уложеніе удлиняютъ сроки тюремнаго заключенія профессіональныхъ преступниковъ; проэктъ Швейцарскаго уголовнаго уложенія и Австрійскій проэктъ усваиваютъ тотъ же принципъ.

2. *Дефектные.* Опасное состояніе наблюдается часто у дефектныхъ, а дефектность часто встрѣчается у рецидивистовъ. Впрочемъ фонъ-Листъ, фонъ-Гамель и нѣкоторые другіе совершенно справедливо замѣтили на сессіи Международнаго союза криминалистовъ въ Гамбургѣ [1],

[1]) Бюллетень Международнаго союза т. XIII кн. 2, стр. 436 и сл.

что дефектность, обнаруживающаяся послѣ нѣсколькихъ паденій, могла существовать уже со времени совершенія перваго правонарушенія. Признаніе дефектности влечетъ за собой реформу нашего уголовнаго режима. Нелогично слишкомъ быстро выпускать на свободу дефектныхъ, потому что они дефектны, [1]) какъ и нормальныхъ, потому что нормальны. По словамъ фонъ-Листа, иногда лучше для всеобщей безопасности имѣть дѣло съ сумасшедшими, потому что тогда административная власть принимала бы въ разсчетъ общественную опасность, чего не дѣлаетъ теперь власть судебная, между тѣмъ какъ и та, и другая должны это дѣлать.

Почему же въ такомъ ясномъ и простомъ вопросѣ мнѣнія еще такъ нерѣшительны, такъ колеблются, почему столько недовѣрія къ новымъ идеямъ?

Объясненіе найти нетрудно. Недовѣріе опять таки происходитъ отъ смѣшенія медицинской науки съ юридической.

Врачи и разные виды психіатровъ склонны къ расширенію области дефектности, и ихъ вмѣшательство внушаетъ опасенія. И въ то же время процессъ предоставляетъ на ихъ рѣшеніе судьбу преступника и судьбу начатаго преслѣдованія и смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя функціи, которыя должны остаться

[1]) Тамъ же, стр. 486.

разграниченными: функцію судьи и функцію медика-эксперта. Въ этомъ узелъ проблемы. Для суда надъ дефектными юристы усвоили себѣ дурную привычку высказываться послѣ медиковъ и спрашивать ихъ мнѣнія о степени вмѣняемости подсудимаго; такимъ образомъ они дѣлаютъ врача вершителемъ судебнаго рѣшенія.

Такое положеніе противорѣчитъ логикѣ, и нужно покончить съ привычкой, настаиваніе на которой вредитъ отправленію репрессивнаго правосудія. Судью смущаетъ сложность и двусмысленность вмѣняемости, и вмѣсто того, чтобы сказать себѣ, что задача можетъ быть упрощена, что онъ одинъ можетъ разсмотрѣть вопросъ о степени опасности и наказуемости преступника, онъ говоритъ: „вопросъ о вмѣняемости сложенъ и сомнителенъ; я не могу его разрѣшить и возлагаю разрѣшеніе его на врача.“

Но у медика средствъ распутать этотъ узелъ не больше, чѣмъ у юриста; съ обѣихъ сторонъ есть тотъ же рискъ ошибки и произвола. Можетъ быть даже со стороны медика риску больше, такъ онъ главнымъ образомъ изучаетъ физіологію человѣческаго организма; обязанность высказать свое мнѣніе о степени вмѣняемости поднимаетъ чуждые его обычнымъ занятіямъ и мало знакомые ему вопросы.

Это настолько неоспоримо, что признается самими врачами. [1])

Разрѣшеніе вопроса заключается въ томъ, чтобы не предлагать болѣе ни юристамъ, ни медикамъ высказываться о степени вмѣнямости дефектнаго, а поручить однимъ юристамъ обязанность констатировать наличность опаснаго состоянія.

Мы далеки отъ мысли отрицать важность мнѣнія и врачей, и не высказываемся за то, чтобы не привлекать ихъ болѣе къ судебнымъ процессамъ для установленія техническихъ данныхъ, что они могутъ выполнить по своей научной компетентности съ непререкаемымъ авторитетомъ.

Врачи останутся лишь экспертами, и въ судебной жизни будутъ заниматься тѣмъ же, чѣмъ и въ обыденной жизни, т. е. будутъ осматривать больного и ставить діагнозъ его болѣзни. Они будутъ опредѣлять, эпилептикъ ли преступникъ, истерикъ ли онъ, алкоголикъ, наслѣдственный дегенератъ, идіотъ, физіологически оскудѣвшій и т. д.

Будутъ обращаться, другими словами, только къ ихъ спеціальнымъ знаніямъ, къ ихъ

---

[1]) См. сообщеніе д-ра Гегера (Бюллетень Брюссельскаго антропологическаго Об-ва, т. 2, 1885-86, стр. 107.

См. новую лекцію д-ра Клауса въ обществѣ психической медицины 26 іюня 1909: Отвѣтственность человѣка передъ медицинской экспертизой, Гентъ 1909.

професіональной компетентности; они будутъ дѣлать только спеціальные доклады объ опредѣленныхъ обстоятельствахъ съ точки зрѣнія медицины. И когда эта научная задача будетъ выполнена, судьи, въ свою очередь, съ полной независимостью рѣшатъ судебную задачу. Медицинскій докладъ будетъ элементомъ оцѣнки; но онъ будетъ однимъ изъ многихъ элементовъ, которые судьи должны принять во вниманіе при постановкѣ своего рѣшенія. [1])

Судьи будутъ знать, что дефектный не всегда непремѣнно будетъ преступникомъ или опаснымъ.

Есть, напримѣръ, эпилептики, выполняющіе удовлетворительно всѣ важныя функціи и вполнѣ способные пользоваться свободой.

Они будутъ знать, что преступникъ не всегда непремѣнно будетъ дефектнымъ или опаснымъ.

Масса преступниковъ можетъ быть наказана безъ того, чтобы было признано цѣлесообразнымъ прибѣгнуть къ мѣрамъ предохраненія.

Они будутъ знать, что ненормальный преступникъ самъ по себѣ не всегда будетъ опаснымъ. Недостаточно эпилептику или дегенерату совершить, напримѣръ, мелкую кражу, нанести оскорбленіе или нарушить правила объ охотѣ, чтобы быть признаннымъ опаснымъ для общества.

---

[1]) Ср. также проектъ Норвежскаго уголовнаго уложенія, переводъ Buel, Берл. 1907, стр. 118 и слѣд.

Состояніе дефектнаго преступника будетъ опаснымъ только тогда, когда опасное свойство преступности соединяется съ опаснымъ родомъ дефектности, и когда судьи, сообразуясь съ личными изслѣдованіями, справками о прошломъ преступника, обстоятельствами дѣла, докладами спеціалистовъ, направляемые опытомъ, здравымъ смысломъ и правомъ, въ результатѣ знанія дѣла признаютъ наличность этого состоянія.

Власти судебной или административной не отказываютъ въ желательной компетентности, необходимой для произнесенія приговоровъ объ условномъ осужденіи или условномъ освобожденіи, признаніе которыхъ предполагаетъ констатированіе отсутствія опаснаго состоянія. Власть судебная остается такой же компетентной для признанія наличности условій опаснаго состоянія и для позволенія принимать мѣры предохраненія, которыхъ требуетъ положеніе.

Необходимо только, конечно, чтобы рѣшеніе было принято свѣдущими и благоразумными судьями; вполнѣ логично сохранить высшую юрисдикцію ассизовъ и апелляціоннаго суда и представлять на ихъ разрѣшеніе помимо другихъ судовъ дѣла всѣхъ лицъ, состояніе которыхъ предполагается опаснымъ.

Норвежское уголовное уложеніе (ст. 32.) поручаетъ въ уголовныхъ дѣлахъ установленіе

опаснаго состоянія жюри. Въ Англіи, Австраліи, Новой Зеландіи, Трансваалѣ опредѣленіе преступленія, какъ вытекающаго изъ преступной привычки, всегда принадлежитъ высшимъ судамъ.

3. Душевно-больные преступники. Эти преступники сохраняютъ всегда, такъ сказать, признаки опаснаго состоянія, и о необходимости принять относительно ихъ мѣры защиты общества и подвергнуть ихъ особому режиму не существуетъ разныхъ мнѣній.

Различіе наблюдается, однако, и здѣсь. Въ Англіи, Италіи, Норвегіи и нѣкоторыхъ Штатахъ Сѣверной Америки созданы учрежденія спеціально предназначенныя для душевно-больныхъ преступниковъ. Въ другихъ странахъ ихъ помѣщаютъ либо въ учрежденія, состоящія при тюрьмахъ, либо въ особыя отдѣленія домовъ для умалишенныхъ. Я не вхожу въ подробности проблемы, обсуждаемой въ Бельгіи уже около полустолѣтія подъ именемъ вопроса о тюрьмахъ-пріютахъ. Я отмѣчу только, что смѣшанный характеръ положенія индивидовъ, опасныхъ въ силу своего душевнаго недуга и преступныхъ свойствъ, возлагаетъ на государство безусловную обязанность попечительства и защиты ихъ съ трехъ точекъ зрѣнія.

Съ точки зрѣнія внѣшней и матеріальной государство обязано принять мѣры предосто-

рожности противъ побѣговъ, которые всегда внушаютъ опасеніе.

Съ точки зрѣнія внутренняго распорядка и дисциплины нужно примирять внушаемыя больными гуманныя чувства съ чувствомъ недовѣрія, подсказываемымъ ихъ буйными инстинктами.

Съ точки зрѣнія общественной нужно учредить дѣйствительный контроль надъ продолжительностью задержанія и надъ условіями освобожденія; умалишенный преступникъ принадлежитъ въ одно и то же время области медицины и права, и вмѣстѣ съ тѣмъ, за представителями права и государства слѣдуетъ признать послѣднее слово въ дѣлѣ защиты общества.

4. Произволъ неопредѣленнаго приговора.

Мы разсмотрѣли возраженія и показали, чего стоятъ опасенія, вызываемыя реформой, которая даетъ судамъ право объявлять состояніе преступника опаснымъ.

Но одинъ пунктъ, однако, требуетъ спеціальнаго упоминанія. Дефектность, служащая основой опаснаго состоянія и предполагающая всегда извѣстнаго рода длительность, приводитъ насъ къ заключенію о цѣлесообразности продолжительнаго заключенія и даже использованія иногда неопредѣленныхъ приговоровъ.

Въ виду этого утверждаютъ, и на первый взглядъ вполнѣ основательно, что объявленіе

состоянія опаснымъ убыточно для индивида, такъ какъ новая доктрина грозитъ гораздо болѣе его свободѣ, чѣмъ система дѣйствующаго права.

Но прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что подобныя опасенія присущи, быть можетъ, формальнымъ традиціямъ старыхъ цивилизацій, и что опасеній этихъ не испытываютъ въ новыхъ странахъ. Ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Австраліи, ни въ Трансваалѣ, ни въ Новой Зеландіи не протестуютъ противъ законодательства, санкціонирующаго неопредѣленные приговоры. Мы видѣли, что Норвежское уголовное уложеніе осуществляетъ этотъ принципъ для лицъ дефектныхъ. [1]) То же самое мы видимъ и въ первоначальномъ проэктѣ Австрійскаго уголовнаго уложенія. Итакъ, мало-по-малу, приходятъ къ признанію того, что нѣкоторые преступники, которыхъ мы продолжаемъ подводить подъ общую норму, находятся съ точки зрѣнія коллективной безопасности въ особомъ положеніи; что ихъ

---

[1]) Въ Соединенныхъ Штатахъ мѣра эта имѣетъ главнымъ образомъ характеръ продолжительной воспитательной системы, примѣняемой къ молодымъ преступникамъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но въ Австраліи (въ Штатѣ Новый Южный Валисъ съ 1906 г.), (въ Штатѣ Викторія съ 1908 г.) въ Новой Зеландіи съ 1906 г., въ Трансваалѣ съ 21 іюля 1909 г. законодательство даетъ судебной власти право объявлять нѣкоторыхъ преступниковъ привычными (Habitual offenders) и примѣнять къ нимъ неопредѣленный приговоръ.

нельзя приговаривать къ обыкновенному наказанію, назначаемому кодексомъ для обыкновенныхъ случаевъ; и ихъ заключеніе удлиняютъ, то безъ опредѣленія срока, то прибавляя къ обыкновенному наказанію дополнительное тюремное заключеніе, максимумъ котораго установленъ закономъ [1]).

Однако, Соединенные Штаты, Австралія, Новая Зеландія, Трансвааль, Норвегія не менѣе другихъ странъ уважаютъ индивидуальную свободу. Законодательства этихъ странъ полагаютъ въ то же время, что личныя права можно обезпечить отъ риска ошибки двумя способами:

Прежде всего, признавая только за высшими судами право рѣшать, находится ли преступникъ въ такомъ состояніи, при которомъ желательно примѣненіе спеціальныхъ мѣръ.

Затѣмъ, расширяя полномочія административной власти и учреждая постоянныя комиссіи, не имѣющія другой задачи кромѣ наблюденія за исполненіемъ этихъ мѣръ и цѣлесообразностью ихъ срока [2]).

---

[1]) Такова именно система Норвежскаго кодекса и Англійскаго закона.

Въ Норвегіи къ ненормальнымъ опаснымъ преступникамъ примѣняется неопредѣленный приговоръ; къ опаснымъ же рецидивистамъ дополнительное тюремное заключеніе, maximum котораго опредѣленъ закономъ.

[2]) Правительство учреждаетъ въ Мельбурнѣ бюро неопредѣленныхъ приговоровъ (Indeterminate Sentences Board), членамъ котораго поручено только

Дѣло въ томъ, что чѣмъ значительнѣе приговоръ, тѣмъ съ большей осторожностью нужно принимать рѣшеніе; болѣе высокихъ качествъ нужно требовать отъ судей, которые его принимаютъ, большей опытности, добросовѣстности и усердія со стороны тѣхъ, которые слѣдятъ за ихъ исполненіемъ [1]).

Дѣйствительно, ненужно забывать, что одно дѣло предохранять общество, а другое карать и наказывать, заставлять искуплять вину и страдать. Лишить ненормальнаго или опаснаго возможности вредить значитъ, лишая его свободы, вознаградить при помощи дифференціаціи режима, дифференціацію продолжительности этого режима.

Съ этой точки зрѣнія имѣютъ большое значеніе заботы о реорганизаціи внутренней жизни пенитенціарныхъ учрежденій и о сформированіи безупречнаго персонала для нихъ.

Воспитательная система американскихъ Reformatories, образцомъ которой служитъ Эльмира, или система болѣе новаго англійскаго Reformatory въ Борсталѣ создана для молодыхъ еще преступниковъ, которыхъ надѣются

слѣдить за исполненіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ и давать заключенія о времени прекращенія наказанія.

[1]) См. всѣ детали организаціи неопредѣленныхъ приговоровъ: Фрейденталь. Unbestimmte Verurtheilung, Сравнительное изображеніе германскаго и иностраннаго уголовнаго права, общ. часть, т. 2, стр. 245 и слѣд. Бер. 1908.

вернуть въ свободное общество. Основная идея этой системы — исправленіе, перевоспитаніе и освобожденіе.

Но система, пригодная для взрослыхъ опасныхъ или дефектныхъ преступниковъ не ставитъ этой задачи на первый планъ; она прежде всего система предохраненія; и она имѣетъ спеціальныя свойства долгосрочнаго тюремнаго заключенія; выработка ея уже началась, и усовершенствованіе ея возлагается на всѣхъ сторонниковъ новаторскихъ идей.

Здѣсь нужно помнить одно: реформа уголовнаго права тѣсно связана съ реформой административнаго и пенитенціарнаго аппарата; неопредѣленный приговоръ—съ надлежащимъ способомъ его осуществленія. Дѣло идетъ объ общей работѣ, которая должна быть начата въ цѣломъ и тогда опасенія произвола потеряютъ большую часть своей силы.

Какъ бы то ни было, на континентѣ знаменитые юристы, вѣрные положеніямъ публичнаго права 1789 г., приписываютъ имъ, по отношенію къ наказаніямъ, не историческую, но абсолютную цѣнность и придаютъ выдающееся значеніе опредѣленію съ самаго начала извѣстнаго въ законѣ предусмотрѣннаго максимума наказанія, который не можетъ быть превышенъ [1]) ни въ какомъ случаѣ.

[1]) Докладъ профессора Гарсона, Амстердамская сессія Международнаго союза криминалистовъ. Апрѣль 1909 г. Бюллетень., стр. 357 и сл.

Юристы эти не могутъ примириться съ мыслью, что судья можетъ присудить къ лишенію свободы, а осужденный подвергнуться этому лишенію, не зная напередъ его точнаго срока.

Для нихъ заключеніе, продолжительность котораго точно опредѣлена заранѣе текстомъ кодекса и вмѣстѣ судьей, который его назначаетъ,—единственное средство успокоить совѣсть и охранить всѣ права.

Но можетъ ли быть спокойна наша совѣсть теперь, когда мы констатируемъ въ размѣрѣ нашихъ наказаній опредѣленія несомнѣнно произвольныя [2]), такъ какъ они измѣняются за одно и то же преступленіе въ каждой странѣ, въ каждомъ судѣ, при каждомъ дѣлѣ? Нѣтъ ли и теперь у насъ произвола то въ снисходительности, то въ суровости? Не видѣли ли мы примѣровъ освобожденія преступниковъ, которые остаются опасными, и заключенія тѣхъ, которые могли бы быть освобождены?

Нужно также замѣтить, что уголовное правосудіе нерѣдко присуждаетъ къ вѣчнымъ наказаніямъ. Неопредѣленный же приговоръ нельзя считать болѣе суровымъ, или внушающимъ безпокойство, чѣмъ вѣчное наказаніе, такъ какъ первый даетъ надежду на освобожденіе, а второе ее исключаетъ, и первый, слѣ-

---

[2]) *Фрейнденталь*, Loc. cit, стр. 245.

довательно, составляетъ большую уступку духу гуманности.

И если вѣчное наказаніе не вызываетъ опасеній произвола, если питаютъ довѣріе къ безповоротно принятому судомъ рѣшенію, присуждающему къ многимъ годамъ или къ пожизненному тюремному заключенію, то почему же не можетъ быть того же довѣрія къ всесторонне взвѣшеннымъ рѣшеніямъ правильно организованныхъ коллегій юристовъ и спеціалистовъ, разсматривающихъ въ опредѣленное закономъ время и съ серьезными данными вопросъ о возвращеніи свободы? Лишь только признаютъ, что заключеніе должно быть продолжено (а съ этимъ пунктомъ всѣ согласны), то не въ правѣ ли мы утверждать, что многочисленныя послѣдовательныя рѣшенія болѣе гарантируютъ индивидуальную свободу, чѣмъ отдѣльное опредѣленіе?

Впрочемъ, рядъ соображеній и другого рода, существующія учрежденія и сама сила вещей вызываютъ сокращеніе продолжительности заключенія. Условное освобожденіе служитъ дѣйствительнымъ средствомъ его сокращенія, и время, успокаивая страсти, ослабляя инстинкты, расшатывая силы организма, дѣлаетъ менѣе необходимымъ настаиваніе на мѣрахъ защиты. Можно сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ доставляютъ мотивы для настаиванія на заключеніи только сила его чувствительности, при-

мѣрность и вредное дѣйствіе снисходительности на слабыя натуры.

Но мы не можемъ довольствоваться подобными средствами. Для новыхъ потребностей нужны и новые органы. Намъ необходимы еще новыя гарантіи противъ возможности злоупотребленій; и мы должны искать этихъ гарантій въ усовершенствованіи административнаго управленія.

Примѣненіе мѣръ предохраненія должно находиться подъ постояннымъ контролемъ административной власти. Мы видѣли, что иностранное законодательство поняло это.

Приведеніе въ исполненіе неопредѣленнаго приговора или даже присужденія къ очень продолжительному тюремному заключенію, назначенному вслѣдствіе опаснаго или дефектнаго состоянія преступника, немыслимо безъ участія комиссій или коллегій надзора, которымъ поручено разсмотрѣніе вопросовъ о продолжительности послѣдствій тюремнаго заключенія, о правильныхъ условіяхъ его осуществленія, о законности его продолженія или о возможности его прекращенія.

Законодательство объ умалишенныхъ даетъ намъ образецъ, которому нужно слѣдовать. Бельгійскій законъ 1873 года о душевно-больныхъ, несмотря на свои недостатки, организовалъ по крайней мѣрѣ строгій надзоръ за убѣжищами этого рода; онъ предписываетъ

членамъ постоянныхъ комитетовъ и инспекціонныхъ комиссій и уполномоченнымъ государствомъ чиновникамъ знакомиться съ тѣмъ, что́ происходитъ въ убѣжищахъ и часто посѣщать умалишенныхъ.

Эти постановленія умѣстны въ занимающей насъ области и должны быть заимствованы; и если лишеніе свободы продолжительно, то неопредѣленность его срока должна вознаграждаться довѣріемъ, внушаемымъ властями, компетентными въ вопросахъ законности его продолженія.

Мы не теряемъ также изъ виду того, что обладаемъ моральными гарантіями—этимъ рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ культуры и современной цивилизаціи. Судья стараго режима игнорировалъ права личности. Современный судья относится къ нимъ съ уваженіемъ, которое вошло въ нравы, составляетъ часть окружающей его атмосферы и внушаетъ ему внимательное отношеніе къ дѣлу, особенно цѣнное въ вопросахъ о судьбѣ и свободѣ гражданъ.

ГЛАВА VI.

ОБЪ ОПАСНОМЪ СОСТОЯНІИ ДО СОВЕРШЕНІЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ИЛИ ПРОСТУПКА.

1. Обязанность вмѣшательства государства.

Я показалъ, что преобразованія въ уголовномъ правѣ заставляютъ насъ признать опасное состояніе даже тамъ, гдѣ нѣтъ еще преступника, и право вмѣшательства государства даже туда, гдѣ нѣтъ ни преступленія, ни проступка.

Мы находимся здѣсь передъ лицомъ внушительныхъ и грозныхъ и иногда столь сбивчивыхъ явленій; и хотя дѣло идетъ не объ уголовномъ правѣ въ собственномъ смыслѣ, мы должны приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса, потому что касаемся происхожденія и основныхъ причинъ преступности.

Уже болѣе ста лѣтъ страстно спорятъ о томъ, нужно ли дѣйствовать на преступника мягкими или жестокими мѣрами.

Объ этомъ спорили тогда, когда подъ свѣтлымъ небомъ Италіи Беккарія провозглашалъ

гуманность, а въ густыхъ туманахъ Петербурга Іосифъ де Местръ высказывался за палачей. Съ той же страстностью спорили и столѣтіе спустя, когда Толстой, считающій преступленіе одной изъ формъ страданія, противопоставлялъ ему милость и не признавалъ права наказанія изъ милости къ слабому. О томъ же спорили, когда Нитцше, разсматривающій порокъ и страданіе какъ форму превознесенія слабаго надъ сильнымъ, считалъ состраданіе факторомъ паденія и не допускалъ состраданія по отношенію къ правамъ наиболѣе сильнаго.

Обострѣнію столкновенія мнѣній объ основаніяхъ права наказанія способствовала неудача усилій, направленныхъ въ теченіе цѣлаго столѣтія на пониженіе преступности.

Увеличеніе тюремъ, школъ, рабочихъ жилищъ, улучшеніе страннопріимныхъ домовъ, больницъ, пріютовъ, расширеніе мѣръ благотворительности и попеченія—все это принесло много добра, не понизивъ однако сколько нибудь значительно преступности, такъ какъ не добрались еще до источника зла.

Въ цивилизованномъ обществѣ какъ бы обширный резервуаръ преступныхъ силъ разливается по всѣмъ направленіямъ и по мѣрѣ своего опорожненія принимаетъ въ себя все новые потоки; если противопоставляемыя этимъ потокамъ преграды оказались слабыми, то это

потому, что не позаботились о лучшемъ укрѣпленіи самой почвы, черезъ которую эти теченія промыли себѣ русло, и этимъ путемъ не сумѣли противодѣйствовать наводненію.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно присмотрѣться къ школамъ, тюрьмамъ, рабочимъ городкамъ. Достаточно войти въ мастерскія, лачуги, переулки, тупики или даже оглянуться на высшіе классы, и повсюду, по отношенію ко всѣмъ возрастамъ, ко всѣмъ соціальнымъ классамъ, мы встрѣчаемся съ явленіями вырожденія, ненормальности, душевнаго оскудѣнія.

Раздѣленіе нашего убогаго человѣчества на нормальныхъ, не вполнѣ нормальныхъ и совершенно ненормальныхъ представляется завоеваніемъ современной физіологіи, которая дала бо́льшую научную опредѣленность взглядамъ Ломброзо и исправила его заключенія.

Въ послѣдней своей работѣ „Современная утопія“ Уэльсъ (Wells) дѣлаетъ это раздѣленіе базой государства и ссылаетъ совершенно ненормальныхъ или порочныхъ на особые острова, гдѣ съ ними обращаются съ кротостью.

Ненормальные встрѣчаются среди умственно развитыхъ; такіе великіе геніи какъ Магометъ, Паскаль, Руссо, такіе знаменитые писатели какъ Гоффманъ, Эдгаръ По, де-Квинсей, Кольриджъ, Бодлеръ были людьми ненормальными.

Попадаются послѣдніе среди богатыхъ и бѣдныхъ.

И новѣйшія статистическія данныя указываютъ большую пропорцію дефектныхъ и дегенератовъ разныхъ категорій, которые попадаются во всѣхъ странахъ среди любого населенія.

Въ Англіи докладъ королевской комиссіи: *On the Care and Control of the Feeble Minded* [1]) опредѣляетъ цифру ненормальныхъ или дефектныхъ и оскудѣвшихъ умственно, но не умалишенныхъ, въ 150,000 человѣкъ и въ 67,000 количество тѣхъ отклоняющихся отъ нормы, которые въ настоящее время предоставлены самимъ себѣ.

Въ рабочихъ домахъ и тюрьмахъ Англіи около 10% дефектныхъ. Для Пентонвилльской тюрьмы пропорція ихъ вычислена докторомъ Паркеръ Вильсонъ [2]).

Докладъ министерства внутреннихъ дѣлъ, представленный инспекторомъ Брантвейлемъ, даетъ цифры, изъ которыхъ слѣдуетъ, что на 2277 заключенныхъ въ государственныхъ реформаторіяхъ Англіи приходится: 51 умалишенный, 315 совершенно ненормальныхъ, слабоумныхъ, эпилептиковъ, 1060 дефектныхъ или менѣе пораженныхъ, 551 индивидъ среднихъ

---

[1]) Blue Blook. 1908. vol VII Passim, London, Morgan and Son.

[2]) Докладъ англійской комиссіи. Blue Blook и т. д.

умственныхъ способностей [1]).

Статистика Кольмана, относящаяся къ 1901 г., даетъ въ Швеціи, Баваріи, Саксоніи, Вюртембергѣ и Соединенныхъ Штатахъ одного дегенерата на 500, 600, 700 жителей.

Въ Бельгіи докторъ Демооръ исчисляетъ пропорцію въ 1 : 850 обитателей [2]).

Въ Бельгіи среди 5000 бродягъ, проходящихъ ежегодно черезъ Брюссельскую тюрьму, докторъ Вервекъ нашелъ 31% дегенератовъ, 9% эпилептиковъ, т. е. 40% дефектныхъ [3]).

Докторъ Клаусъ полагаетъ, что въ данный моментъ въ странѣ находятся 5000 эпилептиковъ, предоставленныхъ самимъ себѣ или отданныхъ на попеченіе семействъ [4]).

И нужно замѣтить, что всѣ эти ненормальные въ настоящее время или раньше были ненормальными дѣтьми.

Анкеты, произведенныя среди школьниковъ, показываютъ, что въ школахъ въ Германіи и Бельгіи находится около 10% ненормальныхъ дѣтей. Въ одномъ Брюсселѣ насчитывается 600 ненормальныхъ дѣтей [5]).

---

[1]) Crime of the Empire (Report of the Hovard Association, 1908 p. 83)

[2]) Цифры, данныя докторомъ Демооромъ, секретаремъ Общества покровительства ненормальнымъ дѣтямъ; докладъ отъ 15 марта 1908 г. Брюссель.

[3]) *Существуетъ ли въ Бельгіи антропологическій типъ бродяги.* Брюссель, 1907 г. Hayez.

[4]) Лекція поименованная выше.

[5]) *Демоорь*, упомянутый докладъ.

Въ Лондонѣ директрисы семи институтовъ для ненормальныхъ дѣтей полагаютъ, что въ этихъ учрежденіяхъ содержится 10% глубоко ненормальныхъ [1]).

И раннее развитіе преступности, и частые случаи самоубійства среди юношества представляются ужаснымъ послѣдствіемъ вырожденія [2]).

Конечно, не всегда вырожденіе представляетъ общественную опасность; оно принимаетъ самыя разнообразныя формы; оно можетъ быть безобиднымъ и иногда производитъ странныя, но не опасныя послѣдствія, когда у тѣхъ, кого называютъ высшими дегенератами, оно проявляется въ формѣ интеллектуальнаго невроза.

Въ привиллегированныхъ общественныхъ кругахъ вырожденіе также не во всѣхъ случаяхъ опасно; ибо существуетъ множество средствъ для предохраненія слабыхъ умомъ и волей; можно окружить ихъ заботами, избавить отъ препятствій жизненной борьбы, охранить ихъ отъ гибельныхъ испытаній; вообще серебряная оправа, которая ихъ окружаетъ, хотя и искусственна, но поддерживаетъ самые слабые организмы.

Но дефектные становятся опасными для

---

[1]) Англійская королевская комиссія, упомянутый докладъ.

[2]) *Альфредъ Фуллье* (Revue des deux Mondes, 15 января 1897 г.)

самихъ себя и другихъ, когда ихъ оскудѣніе ассоціируется съ недостаточностью окружающей ихъ среды, и когда въ отравленной атмосферѣ грязь подонковъ общества, опасность нищеты и заброшенности присоединяется къ опасности вырожденія.

Ребенокъ дефектный и бѣдный не сопротивляется потоку порока, который, безпрестанно катясь, уноситъ съ собой все болѣе многочисленныя жертвы. Такой ребенокъ неизбѣжно увлекается порокомъ; неспособный къ занятіямъ въ школѣ или мастерской онъ неизбѣжно вступаетъ въ конфликтъ съ законами и кончаетъ тѣмъ, что становится бременемъ обрщества, какъ нищій, бродяга или преступникъ.

И тогда общество, которое до тѣхъ поръ, казалось, игнорировало существованіе дефектности, вдругъ открываетъ ее и страстно ею заинтересовывается. Дѣлаются освидѣтельствованія, доклады, пишутся статьи и книги; добираются до первородныхъ язвъ дефектности. Ученые, какъ Грассе [1]), думаютъ все сказать тѣмъ, что различаютъ дѣйствія исходящія отъ низшихъ психическихъ невроновъ и дѣйствія обязанныя высшимъ психическимъ центрамъ; какъ будто легко различать эти двѣ категоріи актовъ. Опускаются въ тайники

[1]) Физіологическое введеніе въ ученіе философіи. Парижъ, 1900 г.

уголовной вмѣняемости и попадаютъ въ безвыходное положеніе, такъ какъ упущено время, и вмѣсто того, чтобы прійти на помощь послѣ окончательнаго паденія, нужно бы было вмѣшаться раньше.

Чтобы быть цѣлесообразнымъ, вмѣшательство должно начаться съ дѣтства,—въ то время, когда таинственныя вліянія направляютъ жизнь, такъ какъ въ современномъ интенсивномъ оборотѣ нездоровые ферменты дѣйствуютъ слишкомъ быстро. Статистика всѣхъ странъ показываетъ, что дѣло спасенія взрослыхъ преступниковъ не приводитъ къ цѣли и иллюзорно, потому что предпринято слишкомъ поздно [1]).

Лучше всего выражаетъ эту мысль не криминалистъ, но знаменитый мыслитель Джонъ Рёскинъ, который въ своей книгѣ *The Queen of the air* въ § 133 говоритъ:

„Право вмѣшательства общества въ поведеніе преступниковъ начинается тогда, когда въ нихъ появляются задатки испорченности, а не только

---

[1]) Въ Бельгіи уголовная судебная статистика даетъ слѣдующія цифры для 1907 г. На 40.000 осужденныхъ мужчинъ приходилось:

105 въ возрастѣ ниже 16 лѣтъ.
2038 „ „ 18 „
5532 „ „ 21 „
7663 „ „ 25 „

Итакъ на 40.000 приходится около 16.000 молодыхъ преступниковъ, и можно спросить себя, сколько изъ нихъ сдѣлалось юными преступниками, а позднѣе рецидивистами потому, что въ дѣтствѣ были предоставлены самимъ себѣ.

тогда, когда они уже доказали свою безнадежную испорченность".

Впрочемъ это было понято только по отношенію къ бѣднымъ слѣпымъ и глухонѣмымъ. Нигдѣ не дожидаются того, чтобы несчастье постигло ихъ въ полной мѣрѣ. Но противно логикѣ хлопотать о нихъ и ничего не дѣлать для дефектныхъ, хотя у слѣпыхъ и глухонѣмыхъ атрофирована одна только способность, тогда какъ у ненормальныхъ всѣ способности разстроены и остаются на низкомъ уровнѣ.

Двѣ категоріи фактовъ указываютъ кромѣ того на глубокое вліяніе дефектности на состояніе общества и на неотложную необходимость принятія мѣръ защиты общества.

Во первыхъ—это необыкновенная плодовитость дефектныхъ женщинъ и частое рожденіе у нихъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Во вторыхъ—рѣзко выраженный наслѣдственный характеръ вырожденія.

Плодовитость дефектныхъ дѣвушекъ-матерей установлена множествомъ документовъ.

Въ Брюссельскомъ обществѣ Enfants Martyrs въ этомъ убѣждены, и, по словамъ Демоора, тамъ бывали случаи, когда два года подрядъ приходила глуповатая дѣвушка 16—17 лѣтъ, каждый разъ приносившая грудного ребенка, отца котораго не могла указать [1]).

---

[1]) *Демооръ.* Ненормальныя дѣти и преступность. Брюссель 1899 г., стр. 11.

Инспектора благотворительныхъ учрежденій въ Англіи, надзиратели попечительствъ о бѣдныхъ, директора пріютовъ и родильныхъ домовъ единогласно отмѣчаютъ повышеніе цифры внѣбрачныхъ родовъ у оскудѣвшихъ умственно и нравственно; понятно, что женщины-дегенератки, не имѣющія власти надъ собою, безъ всякой способности сопротивленія, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, окруженныя существами грубыми и легко возбуждающимися, подвергаются большей опасности, чѣмъ другія; ихъ частая беременность не представляетъ поэтому ничего удивительнаго [1]).

---

[1]) Въ Манчестерѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ среди 94 принятыхъ въ родильный домъ насчитывалось 19 дефектныхъ женщинъ, всѣ дѣти которыхъ, исключая двухъ, были незаконными.

Въ Сомерсетширѣ половина принятыхъ въ родильный домъ женщинъ была дефектной, а три четверти дѣтей незаконными.

Въ работномъ домѣ въ Стокѣ на Трентѣ 16 дефектныхъ женщинъ имѣли въ общей сложности 116 дѣтей.

Въ Эдинбургѣ докторъ Барклей освидѣтельствовалъ мать 10 незаконнорожденныхъ дѣтей; она неспособна была сосчитать на пальцахъ количество своихъ дѣтей.

Докторъ Трегольдъ указываетъ 42 слабоумныхъ женщинъ, которыя имѣли 78 незаконнорожденныхъ дѣтей; онъ представляетъ таблицу 150 выродившихся семей въ общемъ съ 1269 дѣтьми, среди которыхъ было 170 мертворожденныхъ; 315 умерли не доживъ до 20 лѣтъ, 245 дефектныхъ.

Всѣ эти подробности и другія не менѣе внушительныя см. въ обширномъ докладѣ королевской комиссіи passim.

Фактъ наслѣдственной устойчивости вырожденія представляется вполнѣ естественнымъ и внушающимъ опасенія. Ненормальность, кроющаяся въ семьѣ, неожиданно сказывается и кажется вспыхнувшей подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ нищета, алкоголизмъ, развратъ; но разъ появившись, она переходитъ на нисходящихъ, которые оставаясь дефектными какъ и ихъ родители, въ свою очередь, производятъ дегенератовъ, дѣлающихся бременемъ общества.

И если подумать о тѣхъ иногда трагическихъ обстоятельствахъ (всякія несчастныя случайности, туберкулезъ, пьянство, жестокое обращеніе), которыя въ низахъ общества могутъ сопровождать зачатіе, беременность и рожденіе, то можно представить себѣ, что́ должно произойти въ молодомъ организмѣ, когда несчастія его родителей соединяются съ физіологической деградаціей.

Делегаты англійской королевской комиссіи, посѣтившіе въ Пенсильваніи знаменитый институтъ для дефектныхъ *Evelyn School*, гдѣ содержится 1000 дѣтей, узнали тамъ, что 10% изъ нихъ принадлежатъ уже въ третьемъ поколѣніи къ дефектнымъ. Доктора Клаустонъ и Барклэй, опрошенные англичанами, дали о своей мѣстности аналогичныя показанія [1]).

Итакъ, въ то время какъ наша цивилизація

---

[1]) Отчетъ и др.

все болѣе и болѣе обостряетъ борьбу за существованіе и увеличиваетъ причины вырожденія, она вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе развитія гуманныхъ чувствъ, достигаетъ сохраненія тысячъ жизней, подкошенныхъ нищетой и общественными бѣдствіями; цивилизація наша питаетъ среди насъ типъ какъ бы низшаго человѣчества и поддерживаетъ пороки, слабости и оскудѣніе, составляющіе для насъ тяжкое бремя.

И здѣсь встаетъ передъ нами грозный вопросъ:

Нужно-ли вмѣстѣ съ Дарвиномъ, Спенсеромъ и Нитцше опасаться, что состраданіе приведетъ насъ къ упадку и сохранитъ для жизни только рѣдкіе экземпляры людей здоровыхъ и уравновѣшенныхъ? Должны ли мы страшиться, что приливъ людей съ нездоровыми задатками потопитъ насъ и подготовитъ то, что назвали „сумерками народовъ“.

Къ счастью это не такъ. Наслѣдственность усиливаетъ вырожденіе; послѣднее будетъ прогрессировать до тѣхъ поръ, пока слишкомъ ослабѣвшій организмъ не потеряетъ способности къ воспроизведенію, пока безсиліе, безплодіе и смерть не уничтожатъ выродившееся потомство и не возстановятъ нѣкотораго равновѣсія.

Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны сложить руки. Было бы жестоко и опасно пре-

доставить природѣ свободу дѣйствія. И на самомъ дѣлѣ, предоставлять вырождающихся естественнымъ законамъ значитъ увеличивать нищету и преступность. Неудачи филантропическихъ усилій и многочисленныхъ попытокъ реклассаціи взрослыхъ преступниковъ доказываютъ намъ необходимость взяться за самый корень зла. Въ основѣ матеріальной нищеты лежитъ нищета физіологическая, умственная и нравственная. Прежде чѣмъ заняться бѣднымъ, потому что онъ бѣденъ,—преступникомъ, потому что онъ совершилъ преступленіе, мы должны углубиться въ изслѣдованіе первоначальной причины, вызвавшей и поддерживавшей нищету или преступленіе; причина эта заключается въ томъ, что рядомъ съ дѣтьми, которыя съ ихъ рожденія живутъ въ нормальныхъ условіяхъ развитія, есть такія, для которыхъ этихъ условій не существуетъ; неспособность къ правильному образу жизни является у нихъ тѣмъ, что положено въ основу, и если къ этому присоединяется нищета, то окончательная катастрофа становится неизбѣжной.

Такимъ образомъ мы стоимъ передъ дилеммой:

Пожертвовать вырождающимися и уничтожить ихъ въ интересахъ сверхчеловѣка или сохранить ихъ, т. е. принять мѣры по отношенію къ нимъ въ интересахъ всего обще-

ства. Или смертная казнь для дефектныхъ, или забота о нихъ—средины нѣтъ. И такъ какъ современная цивилизація справедливо возмутилась бы противъ окончательнаго уничтоженія ихъ, то ничего не остается, кромѣ системы предохраненія общества.

Вотъ въ чемъ оправданіе права публичной власти принимать мѣры по отношенію къ дѣтямъ, не считаясь даже съ тѣмъ, имѣетъ ли, или не имѣетъ мѣсто преступность, если они ненормальны, дефектны, вырождаются и брошены безъ средствъ въ круговоротъ падшихъ людей.

Это не только защита массъ и благодѣяніе для индивида, подвергающагося опасности, это—средство противъ несовершенствъ гражданскаго кодекса, остававшагося въ этой области законодательствомъ классовымъ.

Гражданскій кодексъ устанавливаетъ опеку нормальнаго ребенка; онъ даетъ попечителя несовершеннолѣтнему или нормальному взрослому, имѣющему наклонность къ расточительности; гражданскій кодексъ даетъ опекуна ребенку или ненормальному взрослому. Но онъ вмѣшивается только тогда, когда дѣло идетъ о матеріальныхъ интересахъ,—объ охраненіи наслѣдственнаго имущества,—объ обезпеченіи состоянія отъ опасности расхищенія. О самой личности гражданскій кодексъ не заботится. Дефектный безъ средствъ не обладаетъ состо-

яніемъ. Его единственное наслѣдство это его личность и образъ его поведенія въ жизни; тѣмъ болѣе должно стремиться оказать ему поддержку и пріютъ, что въ случаяхъ, перечисленныхъ гражданскимъ кодексомъ, инертность опекуна приводитъ только къ разорѣнію, здѣсь же отсутствіе вмѣшательства приводитъ къ преступленію.

2. Необходимыя реформы.

Повсюду уже началось стремленіе къ реформѣ; законодатели вступили на путь защиты дѣтства; они начали также организовать суды для дѣтей. Но всюду сознается необходимость идти еще дальше и принять цѣлую систему законодательныхъ и воспитательныхъ мѣръ, приспособленныхъ къ достиженію цѣли.

Во-первыхъ, съ точки зрѣнія законодательной, мы не можемъ болѣе довольствоваться разрозненными усиліями мѣстной администраціи или частной иниціативы, которыя, въ своемъ стремленіи улучшить въ извѣстномъ случаѣ положеніе, создаютъ учрежденія для ненормальныхъ [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ школахъ Брюсселя, Антверпена и Гента есть классы для ненормальныхъ. Провинціальныя власти организуютъ въ настоящее время пріюты для ненормальныхъ въ провинціи Антверпена и въ Брабантѣ и отецъ Амедей располагаетъ въ Гентѣ, Локернѣ, Тессендерло, Люмменѣ частными пріютами для дефектныхъ дѣтей.

Нуженъ законченный планъ постоянной дѣятельности. Власть, исходящая изъ центра, должна придать связность и единство принимаемымъ мѣрамъ и имѣть общій контроль за ихъ примѣненіемъ.

У насъ организованы учрежденія для гигіены физической. Намъ нужны учрежденія гигіены умственной и моральной, которыя заботились бы о вырождающихся и усвоили бы систему однообразныхъ пріемовъ, дѣйствительность коихъ оправдывается и опытомъ, и научной психологіей.

Англійская правительственная комиссія, на труды которой я ссылался, состоящая изъ юристовъ и выдающихся врачей, предлагаетъ въ настоящее время созданіе центральнаго учрежденія этого рода на основаніи опыта анкеты, продолжавшейся четыре года.

Важное правило, которому нужно слѣдовать, состоитъ въ томъ, что мѣры попечительства надъ дефектными должны быть связяны непрерывностью.

Въ настоящее время идетъ ли рѣчь о школѣ, пріютѣ, мастерской, тюрьмѣ,—пребываніе въ нихъ дефектныхъ является временнымъ. О нихъ не заботятся ни въ школѣ, ни въ мастерской, потому что дефектные представляются тамъ отрицательными цѣнностями и причиной безпорядка. О нихъ не заботятся въ тюрьмѣ, (куда они не должны бы были впрочемъ попасть), пото-

му что наложенное на нихъ наказаніе всегда краткосрочно. О нихъ не заботятся даже въ спеціальныхъ пріютахъ или по недостатку мѣста, или потому, что достигнутъ возрастъ, предусмотрѣнный закономъ, и они уходятъ оттуда, чтобы уступить мѣсто другимъ. Это то-же, что мало по малу ухудшаются для нихъ условія жизни въ то самое время, когда соціальная опасность увеличивается для другихъ.

Второе правило является также весьма важнымъ; оно заключается въ методической классификаціи дефектныхъ, которые, какъ извѣстно, представляютъ собой разнообразныя категоріи [1]). Власть, исходяшая изъ центра, должна заниматься классификаціей ненормальныхъ и выборомъ режима, которому они имѣютъ подвергнуться, а равно безпрестанной провѣркой наличности дефектнаго состоянія и надзоромъ за всѣми деталями службы.

Исполненіе этихъ обязанностей требуетъ раздѣленія труда, преданности и опытности многочисленныхъ помощниковъ. Нельзя, впро-

---

[1]) Двѣ самыя обширныя категоріи—это глубоко дефектные и менѣе дефектные. Первые неспособны прогрессировать и кажутся безсильными оправиться отъ неизлѣчимаго упадка, тогда какъ другіе способны къ нѣкоторому очень ограниченному улучшенію и къ извѣстному низшему приспособленію къ низшей жизни. Помѣщенные въ благопріятныя условія и подвергнутые продолжительному воспитательному режиму, они становятся способными въ умѣренной степени идти навстрѣчу умѣреннымъ требованіямъ.

чемъ, въ такой области произвести какую нибудь соціальную реформу, не призывая на помощь новаго самоотверженія и новыхъ знаній; и судьба этого особаго класса обездоленныхъ будетъ зависѣть отъ того, какое положеніе по отношенію къ нимъ займутъ правящіе классы. Общественная помощь также невозможна безъ дѣятельнаго содѣйствія попечителей о бѣдныхъ, навѣщающихъ ихъ, точно такъ-же какъ и попеченіе объ умалишенныхъ немыслимо безъ неослабнаго содѣйствія комиссій надзора; содержаніе дефектныхъ преступниковъ также требуетъ учрежденія такихъ комиссій; заботы объ умственной и нравственной гигіенѣ также нуждаются въ усердномъ сотрудничествѣ опытныхъ спеціалистовъ.

Наконецъ, реформы точно также необходимы и съ точки зрѣнія практикуемыхъ воспитательныхъ и педагогическихъ методовъ. Мы должны воспользоваться успѣхами, достигнутыми психологіей и физіологіей, въ процессѣ формированія индивида и считаться съ примѣромъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Я не имѣю въ виду заняться здѣсь вопросами нравственнаго воспитанія, которое служитъ основой всякаго воспитанія. Я разсуждаю только съ точки зрѣнія технической; я отмѣчаю техническое преобразованіе пріемовъ, которое происходитъ на нашихъ глазахъ по отношенію къ нормальнымъ и указываетъ

путь, по которому нужно идти въ вопросѣ о ненормальныхъ.

Викторъ Гюго воскликнулъ 50 лѣтъ тому назадъ: „Населите школы и вы освободите тюрьмы“. Факты не оправдали его предсказанія потому, что въ продолженіе полувѣка обученіе осталось чисто словеснымъ и книжнымъ.

Заблужденіе—думать, что словесное изреченіе можетъ быть творцомъ мысли. На самомъ дѣлѣ оно только ея отраженіе. И другое заблужденіе предполагать, что чтеніе, письмо и счетъ являются сами по себѣ средствомъ эмансипаціи рабочаго. Они не что иное, какъ орудія. Они не сдѣлаютъ взрослаго способнымъ, энергичнымъ и увѣреннымъ, какъ рубанокъ или молотокъ недостаточны еще, чтобы стать хорошимъ столяромъ.

При кораблекрушеніи важнѣе умѣть плавать, чѣмъ читать; въ жизни также случается, что умѣнье вести себя является болѣе необходимымъ, чѣмъ формальное образованіе. Когда послѣднее остается изолированнымъ, оно лишь внѣшняя гимнастика ума и не мѣшаетъ отупѣнію природныхъ способностей, необходимыхъ для успѣха современнаго работника.

Существенно не обладаніе инструментомъ, но умѣнье съ нимъ обращаться; этому научаются не на отвлеченныхъ урокахъ, но на

дѣлѣ, соприкосновеніемъ съ дѣйствительностью, работой рукъ и глазъ.

Научая ребенка пользоваться его руками, можно уже пробудить въ немъ любознательность, возбудить его мозгъ, вызвать дѣятельность ума. Чтобы заставить зародиться инициативу и самодѣятельность, нѣтъ лучшаго средства какъ эластичность и гибкость методовъ, свобода дѣйствій учителей и учениковъ и отсутствіе формализма.

Эти истины, провозглашенныя Рабле, Монтенемъ, Руссо, Песталоцци, Фребелемъ, Стенлеемъ Голломъ признаны теперь всѣми педагогами; онѣ служатъ основой техническаго образованія молодого американскаго рабочаго и проникаютъ въ Европу; онѣ направляютъ профессіональное образованіе и заставляютъ вездѣ признать необходимость обязательнаго обученія, которое есть не что иное, какъ возвратъ къ старымъ средневѣковымъ традиціямъ. Въ особенности когда дѣло идетъ о ребенкѣ изъ низшаго класса, становится все болѣе и болѣе яснымъ, что рядомъ съ извѣстнымъ ритмомъ мысли и теоретическимъ образованіемъ нужно дать ему нѣкоторый жизненный ритмъ и практическую подготовку.

Мы можемъ извлечь пользу изъ этихъ истинъ даже по отношенію къ ненормальнымъ. По отношенію къ нимъ мы были жертвами

предразсудка. Указывали, что если они не поддаются господствующимъ пріемамъ воспитанія, то приспособленіе ихъ къ средѣ невозможно. Опытъ обнаружилъ, что на этотъ счетъ заблуждались.

Въ самомъ неразвитомъ живомъ существѣ все же есть присущія жизни свойства, т. е. нѣкоторая жизненная энергія, нѣкоторое творческое стремленіе.

Нужно только отыскать ихъ и заставить проявиться. И попытка пробудить ослабленную активность умственно убогихъ и намѣреніе утилизировать ихъ, подобно тому какъ современная промышленность утилизируетъ свои отбросы, будутъ славой современной педагогики.

Расцвѣтъ промышленности находится въ связи съ утилизаціей остатковъ. Изъ дыма заводовъ берутъ теплоту; изъ газа—амміакъ, пепелъ отъ котла идетъ на приготовленіе цемента; побѣда въ борьбѣ за расширеніе остается за болѣе изобрѣтательнымъ въ оцѣнкѣ отбросовъ,—въ сбереженіи силы, теплоты и движенія.

Возможно ли допустить, чтобы общество не могло поступить со своими остатками такъ, какъ поступаетъ промышленность со своими? Мы такъ-же можемъ ограничить главныя издержки общественнаго управленія, улучшить положеніе отбросовъ общества и наблюдать

за тѣмъ, чтобы потеря силы была сокращена до минимума. Низшій организмъ можетъ быть полезнымъ, лишь бы только достигнуть примѣненія его къ низшимъ функціямъ.

Опытъ сдѣланъ: онъ начался обученіемъ отсталыхъ, продолженъ обученіемъ ненормальныхъ, и англосаксы идутъ по отношенію къ послѣднему во главѣ движенія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ и Англіи дефектные подвергаются продолжительной тренировкѣ; главное, нужно брать ихъ съ юнаго возраста и охранять до тѣхъ поръ, пока того требуетъ ихъ личная и общественная безопасность. Поэтому ихъ берутъ иногда съ трехъ лѣтъ и держатъ всегда свыше совершеннолѣтія.

Примѣняемая система имѣетъ своей цѣлью сдѣлать ихъ способными къ исполненію второстепенныхъ работъ подъ надзоромъ другихъ и въ качествѣ помощниковъ, и она не имѣетъ ничего общаго съ господствующимъ въ обыкновенныхъ школахъ режимомъ.

Дефектный ребенокъ не сидитъ въ классѣ, гдѣ проводятъ нѣсколько часовъ въ день, затѣмъ уходятъ въ полдень и въ четыре часа, а также на время отпуска и каникулъ, чтобы вернуться къ праздности и бездѣйствію, противъ которыхъ нужно стремиться бороться.

Дефектный ребенокъ помѣщается въ пріютъ, гдѣ онъ подвергается постоянному воздѣйствію,

какъ въ больницѣ—продолжительному лѣченію.

Къ такому ребенку примѣняется методъ, признанный Фребелемъ пригоднымъ для маленькихъдѣтей; дефектные всю жизнь уподобляются малолѣтнимъ. Этотъ методъ имѣетъ ту особенность, что не приписываетъ чтенію, письму и счету значенія какой то магической силы. Утверждаютъ, что когда, послѣ большихъ усилій, достигаютъ усвоенія дефектными элементарныхъ школьныхъ понятій и вслѣдъ затѣмъ предоставляютъ ихъ самимъ себѣ, то они быстро все забываютъ и становятся опять неграмотными. Точно также воспитатели и воспитательницы ненормальныхъ знаютъ, что для нѣкоторыхъ дѣтей этой категоріи чтеніе, письмо и счетъ „пустое препровожденіе времени [1]) и бо̀льшую цѣну слѣдуетъ придавать пѣнію, гимнастикѣ, играмъ, воспитанію чувствъ, пріученію къ добрымъ навыкамъ тѣла и ума. Эти воспитатели стараются воздѣйствовать на своихъ учениковъ повтореніемъ элементарныхъ пріемовъ, ведущихъ къ пріобрѣтенію простѣйшей ловкости рукъ. Ихъ совсѣмъ не пытаются поднять до высокаго уровня; наоборотъ, снисходятъ къ ихъ уровню; приноравливаются къ ихъ пониманію и развиваютъ въ нихъ то, что̀ можетъ быть развито.

---

[1]) Показанія доктора Беннетта въ англійской анкетѣ.

И интересно, что удовлетворительные результаты получались даже у глубоко ненормальныхъ, которыхъ можно было считать безнадежными.

Америка, бывшая колыбелью пенитенціарнаго режима, теперь образцовая страна въ смыслѣ пріютовъ или убѣжищъ для глубоко ненормальныхъ. [1])

Въ огромныхъ рабочихъ колоніяхъ или фермахъ-пріютахъ (какъ напримѣръ учрежденія d'Evelyn school и de Polk въ Пенсильваніи или Columbus въ Orio) пріучаютъ дѣтей къ мускульной работѣ; упражняютъ ихъ глаза и руки; они занимаются чисткой и домашними работами. Мальчики чистятъ мебель, дѣлаютъ корзинки, щетки; дѣвочки шьютъ, стираютъ бѣлье, стряпаютъ; даже самыя неразвитые изъ нихъ заняты: они моютъ полъ и очень довольны, получая похвалы за хорошо исполненную работу [2]).

Обращаются съ ними мягко, и они находятся подъ медицинскимъ надзоромъ, какого требуетъ ихъ состояніе. Всѣ пользуются воздухомъ, свѣтомъ, комфортомъ и здоровой пищей. Они могутъ свободно говорить, двигаться, забавляться; для нихъ разнообразятъ трудъ и

---

[1]) Удивительные результаты получены также въ Гентѣ въ пріютѣ Strop'a.

[2]) Отчетъ членовъ королевской комиссіи объ ихъ посѣщеніи американскихъ учрежденій, Синяя книга, т. VII, 1908.

развлеченія; иногда ихъ водятъ въ лѣсъ и располагаютъ тамъ въ палаткахъ.

Нельзя отрицать значенія такихъ усилій. Въ то время какъ въ Бельгіи ненормальный бѣднякъ, потерпѣвъ повсюду неудачу, послѣдовательно попадаетъ въ тѣсную келью тюрьмы и требуетъ безполезныхъ, но большихъ расходовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ ненормальный, имѣющій счастье попасть на ферму-пріютъ, также стоитъ денегъ, но не становится преступникомъ. Онъ не начинаетъ на улицѣ и не кончаетъ въ тюрьмѣ. Онъ находится въ общеніи съ другими и постоянно въ движеніи; у него есть иллюзія общественной жизни; несмотря на свою безполезность, у него есть иллюзія исполненія общественной роли; въ этомъ обществѣ, живомъ и дѣятельномъ, онъ проводитъ болѣе счастливые, мирные часы, чѣмъ тѣ, которые дала бы ему свобода, пользованіе которой всегда будетъ сопряжено для него съ страданіемъ и опасностью; такимъ образомъ разрѣшена задача, состоящая въ лишеніи его свободы безъ наложенія наказанія.

Для дефектныхъ женщинъ помѣщеніе въ пріюты имѣетъ еще другое значеніе: покидать ихъ въ возрастѣ, когда онѣ могутъ стать матерями, на произволъ судьбы,—значитъ подвергать самымъ дурнымъ случайностямъ и вести къ проституціи. Семейный режимъ колоній, какой существуетъ, напримѣръ, въ учре-

жденіи для дефектныхъ женщинъ въ штатѣ Нью-Іоркъ, конечно, самое гуманное средство предотвратить опасность наслѣдственнаго вырожденія.

Таково понятіе защиты общества съ той его стороны, которая представляется наиболѣе благородной и высокой, совершенно тождественной съ покровительствомъ обществу и далекой отъ достойной осужденія мысли о посягательствѣ публичной власти на индивидуальную свободу.

Въ тотъ день, когда понятіе защиты общества станетъ господствующей, предъ судьями предстанетъ только часть,—осадокъ виновныхъ, неповинующихся законамъ.

Судьи лучше будутъ отличать преступленіе отъ нищеты;—притворную чувствительность, служащую вызовомъ морали, отъ истиннаго правосудія, которое одно только гуманно. И миссія судей будетъ упрощена.

Нужно прибавить, что принося необходимыя предварительныя жертвы, мы не только упрощаемъ задачу уголовнаго права, мы уменьшаемъ опасность преступности въ той мѣрѣ, въ какой она можетъ быть уменьшена.

Нѣтъ надобности утверждать, что намъ не удастся совершенно устранить преступность.

Нельзя совершенно устранить преступность, какъ невозможно избѣжать войнъ, болѣзней, пауперизма и другихъ бѣдствій.

Среди тайнъ, которыя насъ окружаютъ, существованіе зла на землѣ—одна изъ самыхъ необъяснимыхъ; всѣ философскія системы пытались проникнуть въ нее и всѣ ученія о божественной справедливости пытались примирить усовершенствованіе съ существованіемъ зла.

Что бы ни было, зло существуетъ среди насъ, и именно потому, что оно существуетъ, мы стремимся къ лучшему и именно потому прогрессъ необходимъ.

Потому, далѣе, прогрессъ представляется необходимостью, которую мы обязаны осуществлять и цѣлью, которую должны достигнуть; другими словами, мы должны использовать средства, которыя намъ предлагаютъ, чтобъ излѣчить людей отъ несовершенствъ.

Одно изъ этихъ несовершенствъ—это несчастіе существа, рождающагося съ наслѣдственнымъ проклятіемъ умственнаго и нравственнаго оскудѣнія и убожества. Вотъ, несомнѣнно, одна изъ самыхъ острыхъ формъ всеобщаго страданія.

Это страданіе служитъ основой преступности, и если его игнорируютъ, то не понимаютъ преступности и безсильны бороться противъ нея!

Оглавленіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ редактора перевода . . . III—VII

ВВЕДЕНІЕ . . . . . 3—5.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Человѣкъ нормальный или средній.

1. Нормальный человѣкъ самъ по себѣ . . . . . 7—12.
2. Нормальный человѣкъ и среда. 12—15.
3. Нормальный человѣкъ и свобода воли. . . . . 15—21.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Методъ классической школы и теорія уголовной вмѣняемости.

1. Детерминизмъ . . . . . 23—29.
2. Индетерминизмъ . . . . . 29—35.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новый методъ и теорія защиты общества.

1. Принципъ защиты общества . 36—40.
2. Защита общества и свобода. . 40—44.
3. Защита общества и общія тенденціи права. . . . . 44—57.
4. Защита общества и индивидуальныя наклонности преступника . 57—66.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Понятіе опаснаго состоянія преступника.

1. Объ опасномъ состояніи преступника вообще. . . . . 67—75.
2. Объ опасномъ состояніи рецидивиста въ особенности. . . . . 76—87.
3. Объ опасномъ состояніи дефектныхъ преступниковъ . . . . 87—93.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отвѣтъ на возраженія.

1. Опасное состояніе и мелкая преступность . . . . . 95—103.
2. Опасное состояніе и дефектные преступники . . . . . 104—108.
3. О произволѣ при оцѣнкѣ опаснаго состоянія. . . . . 108—122.

4. Произволъ неопредѣленнаго приговора . . . . . 122—130.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Объ опасномъ состояніи до совершенія преступленія или проступка.

1. Обязанность вмѣшательства государства. . . . . 131—145.
2. Необходимыя реформы . . . . 145—157.

Книгоиздательство

т./д. „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и К°“.

МОСКВА, Бол. Грузинская, д. № 3. ТЕЛ. 103-82.

Вышли и поступили въ продажу новыя книги:

П. С. Коганъ. Міросозерцаніе Бѣлинскаго. Цѣна въ изящной съ портретомъ Бѣлинскаго обложкѣ 1 р. 35 к.

Отзывы печати о книгѣ П. С. Когана:

Книга представляетъ изъ себя эстетическую и общественную энциклопедію Бѣлинскаго, какъ и самъ авторъ говоритъ въ своемъ предисловіи. Основные взгляды, положенія Бѣлинскаго сопровождаются краткими вступительными замѣтками, уясняющими то или иное міросозерцаніе великаго критика, какъ-бы дающими ключъ для разгадки, что значительно облегчаетъ разобраться въ сложныхъ возрѣніяхъ на міръ, на вѣчныя идеи и на все окружающее....

..Къ книгѣ приложенъ очеркъ П. С. Когана о Бѣлинскомъ.

„Своей книгой г. Коганъ внесъ цѣнный вкладъ въ исторію литературы. Книга представляетъ огромный

интересъ и несомнѣнно вызоветъ подражателей. До сихъ поръ у насъ такихъ книгъ не было.

...„Нельзя не пожелать этой книгѣ полнаго успѣха. Издана книга изящно". („новая земля").

Каринъ Михаэлисъ. т. II. «ЭЛЬЗИ ЛИНДНЕРЪ». Продолженіе сенсаціоннаго романа «ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТЪ». Переводъ **С. С. Нестеровой** подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана**. Цѣна изящно изданному томику 75 к.

Отзывы печати о книгѣ Михаэлисъ въ нашемъ изданіи:

„Сейчасъ Каринъ Михаэлисъ въ большой модѣ. Естественно, что каждое ея новое сочиненіе привлекаетъ обиліе переводчиковъ и издателей. Разсчеты издателей на выгодность предпріятія всегда оправдываются. Читатель набрасывается на модное имя... въ результатѣ переводы имѣютъ весьма отдаленное сходство съ оригиналами. Переводъ г-жи **Нестеровой** не изъ ихъ числа. Онъ вполнѣ добросовѣстенъ и правильно передаетъ текстъ.

Предисловіе г. **Когана** выясняетъ значеніе и причины заслуженнаго успѣха г. **Михаэлисъ**, сумѣвшей отчетливо и ясно освѣтить одинъ изъ больныхъ вопросовъ современности и глубоко проникнуть въ тѣ уголки женской души, которые такъ мало затрагивала литература до настоящаго дня.

Внѣшность изданія—изящна". («утро россіи»).

Каринъ Михаэлисъ т. III «РАХИЛЬ», ром. Переводъ **Л. С. Перхуровой**, подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана**. Цѣна изящно изданному тому 1 р.

Каринъ Михаэлисъ. Т. IV. „АЛЬМА“ Романъ. Перев. **Г. Вилліама** подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана.** Цѣна 85 к.

Каринъ Михаэлисъ. Т. V. „ДѢВОЧКА СЪ ПАЛЬЧИКЪ“ Ром. перев. **С. Нестеровой** подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана.** Цѣна 1 р.

Георгъ фонъ Омптеда. „ТРУТНИ“ Ром. Переводъ **С. Нестеровой** подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана.** Цѣна 1 р. 50 к.

А. Кульванъ. „ЕВА ПОБѢДИТЕЛЬНИЦА“. Ром. Переводъ **Н. Нолле** подъ редакціей и съ предисловіемъ **П. С. Когана.** Цѣна 1 р.

А. Принсъ. „ЗАЩИТА ОБЩЕСТВА И ПРЕОБРАЗОВАНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА“. Переводъ г. **Маркеловой** подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. **Г. С. Фельдштейна.** Цѣна 1 р.

Іона Брихничевъ. „ХРИСТОСЪ ВЪ МІРОВОЙ ПОЭЗІИ“. Изящно изданный томъ въ художественной обложкѣ. Около 350 стр. Цѣна 2 р.

Альфредъ Іереміасъ. „ВАВИЛОНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ НОВОМЪ ЗАВѢТѢ“ Переводъ **В. Шулятикова.** Цѣна 1 р. 50 к.

Н. Н. Полянскій. „РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СТАЧКАХЪ“. 350 стр. Цѣна 2 р.

С. ЕЛЬЯШЕВИЧЪ. „ДВА ЗАВѢТА“ Матеріалы по исторіи религіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Содержаніе. Кн. I. СУЩНОСТЬ ВЕТХАГО ЗАВѢТА ИЛИ УЧЕНІЕ КАРАИМОВЪ.

Вступленіе. Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія изъ исторіи караимства. Наука и библейская критика. Догматы, ихъ значеніе въ исторіи религіи вообще

Мессіанское и нравственное ученіе. Законъ, какъ форма.

Кн. II. АПОКАЛИПТИКА и ЭСХАТОЛОГІЯ. Введеніе. Науки объ откровенныхъ книгахъ. Книга пр. Даніила. Раскопки и литература о Даніилѣ. Историческая мессіанская формула временъ и ея рѣшеніе. Апокалипсисъ Новаго Завѣта и его происхожденіе. Теоріи Спитта, Фельтера и Ренана. Астрологическая теорія Морозова и отношенія ученыхъ къ ней.

Э. Гурса. Курсъ математическаго анализа. Т. I. Переводъ съ франц. **А. И. Некрасова**, подъ редакціей проф. **Б. К. Млодзѣевскаго**. Цѣна 6 р., въ великолѣпномъ полукожаномъ переплетѣ 7 р.

Отзывы печати о книгѣ Гурса.

...„Курсъ математическаго анализа проф. **Э. Гурса**, благодаря своимъ выдающимся достоинствамъ, скоро получилъ широкую извѣстность среди спеціалистовъ и учащихся... Появленіе этого перевода, слѣланнаго подъ авторитетной редакціей проф. **Б. К. Млодзѣевскаго**, слѣдуетъ горячо привѣтствовать, какъ цѣнный вкладъ въ небогатую математическую литературу на русскомъ языкѣ. Внѣшность изданія (бумага, шрифтъ, чертежи) безукоризненна".

(„УТРО РОССІИ").

...«Появленіе курса Гурса въ русскомъ переводѣ можно только привѣтствовать... Переводъ сдѣланъ весьма добросовѣстно съ дополненіями, внесенными авторомъ въ англійское изданіе. По внѣшности русское изданіе не уступаетъ французскому».

(„РУССКАЯ МЫСЛЬ").

Р. Блондло. Введеніе въ изученіе термодинамики.

Переводъ съ послѣдняго франц. изданія **Г. Семенова.** Цѣна 1 р., въ изящномъ переплетѣ 1 р. 25 к.

Окт. Вржесневскій. «ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ГЕОМЕТРІЯ.» Для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. «Планиметрія». Съ приложеніемъ основныхъ теоремъ изъ теоріи безк.-малыхъ и статей:

1) понятіе о приложеніи алгебры къ геометріи;

2) объ однородности уравненій, получаемыхъ при рѣшеніи геометрическихъ задачъ.

„Авторъ поставилъ себѣ цѣлью, отнюдь не поступаясь строгостью доказательствъ, дать такой учебникъ геометріи, который былъ бы по силамъ большинству учащихся“ (изъ предисловія). Цѣна 1 р. 25 к.

А. Гейки. О преподаваніи Географіи. Переводъ съ англійскаго съ дополненіями къ русскому изданію **Л. Д. Синицкаго.** Изданіе III, исправленное и дополненное. 256 стр. Цѣна въ изящномъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Въ самомъ непродолжительномъ времени выйдутъ и поступятъ въ продажу:

М. Н. Гернетъ. Магистръ Уголовнаго Права. „СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ“. Изданіе съ параллельнымъ французскимъ текстомъ, богато иллюстрированное, съ приложеніемъ ряда статистическихъ таблицъ, картъ и діаграммъ (въ краскахъ).

Д. Д. Мордухай-Болтовской. Профессоръ Варшавскаго университета. „СБОРНИКЪ ЗАДАЧЪ И УПРАЖНЕНІЙ ПО ДИФФЕРЕНЦІАЛЬНОМУ И ИНТЕГРАЛЬНОМУ ИСЧИСЛЕНІЮ“.

Д-ръ Фритцъ. „Современное народное образованіе". Переводъ **Е. Воскресенской** подъ редакціей **Л. Д. Синицкаго** съ его оригинальной статьей о положеніи народнаго образованія въ Россіи.

Іона Брихничевъ. „Богомъ отмѣченные". „Характеристики великихъ людей, въ Міровой поэзіи". Изящно изданный томъ со множествомъ художественно исполненныхъ портретовъ въ медальонахъ.

Николай Клюевъ. «СОСЕНЪ ПЕРЕЗВОНЪ». Сборникъ стихотвореній. Предисловіе **Валерія Брюсова.**

Барбарэнъ. НЕ-ЭВКЛИДОВА ГЕОМЕТРІЯ. Пер. Г. Семенова, подъ. редакціей **проф. Д. Д. Мордухай-Болтовскаго.**

Бинэ. «КУРСЪ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ».

Печатаются и готовятся къ печати:

Э. Гурса. «КУРСЪ МАТЕМАТИЧЕСКАГО АНАЛИЗА.» Т. II. Переводъ **А. И. Некрасова,** подъ редакціей проф. **Б. К. Млодзѣевскаго.**

Гильбертъ. «ОСНОВАНІЯ ГЕОМЕТРІИ», подъ редакціей проф. **Б. К. Млодзѣевснаго.**

Коммерель. «ОБЩАЯ ТЕОРІЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХЪ КРИВЫХЪ ПОВЕРХНОСТЕЙ», подъ редакціей проф. **Б. К. Млодзѣевскаго.**

Bowley. «ОСНОВЫ СТАТИСТИКИ». Перев. **А. И. Смирнова,** подъ редакціей проф. **В. Я. Желѣзнова и А. Ф. Гатлиха.**

Кутюра. «БЕЗКОНЕЧНОСТЬ ВЪ МАТЕМАТИКѢ», подъ редакціей проф. **Д. Д. Мордухай-Болтовскаго.**

Рессель. «ОСНОВАНІЕ ГЕОМЕТРІИ».

Карно. «РАЗМЫШЛЕНІЯ о МЕТАФИЗИКѢ БЕЗКОНЕЧНО МАЛЫХЪ».

Проф. А. Горбуновъ. «ПАУПЕРИЗМЪ и его ПРИЧИНЫ.

Эли Форъ. «ИСТОРІЯ ИСКУССТВА. Т. I. Искусство древнее». Единственный авторизованный переводъ Г. Алексинскаго.

Алоизъ Рилль. «ФИЛОСОФІЯ ЛОККА, ЮМА И КАНТА».

Вульфенъ. «СЕКСУАЛЬНЫЙ ПРЕСТУПНИКЪ» Переводъ Г. Вилліама.

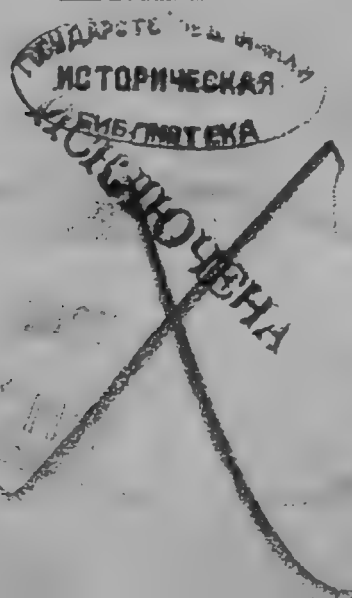
Вульфенъ. «ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВЪ». Переводъ Е. Маркеловой подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. С. Фельдштейна.

Изданія

Торговаго Дома „В. И. ЗНАМЕНСКІЙ и К°“

продаются въ книжныхъ магазинахъ Т-ва „Н. П. Карбасниковъ“, Т-ва „М. О. Вольфъ“, А. С. Суворина, В. В. Думнова, Бр. Башмаковыхъ, Панафидиной, „Сотрудникъ школъ“ Залѣской, „Образованіе“, „Сотрудникъ провинціи“ и др.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ: Москва, Бол. Грузинская, д. № 3. Телефонъ 103-82.



МОСКОВСКОГО
БИБЛИОТЕКА
ИСКЛЮЧЕН
ОБЛУ